

Идея личности
какъ основа
міровоззрѣнія.

Критическо-философскій очеркъ

М. М. Рубинштейна.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ С. А. КИНЕЛОВСКАГО.

АРБАТЬ, ДОМЪ СТРОМИЛОВА.

1909.

Предисловіе.

Предлагаемый очеркъ написанъ больше года тому назадъ и рассчитанъ на широкіе круги нашей интеллигенціи. Онъ возникъ изъ предварительной работы надъ чисто философскими вопросами міросозерцанія, базированнаго на идеѣ личности. Въ данномъ случаѣ эта идея примѣнена какъ критерій къ опредѣленному современному теченію, — социализму. Такъ какъ большинству произведеній, такъ или иначе затрагивающихъ вопросы міросозерцанія, приходится въ нашей литературной жизни сталкиваться съ весьма нежелательными недоразумѣніями, то я позволю себѣ предпослать этому очерку нѣсколько словъ въ поясненіе.

Прежде всего въ моей работѣ я совершенно оставляю въ сторонѣ вопросы политики, партійную фракціонную борьбу социалистическихъ партій между собой и съ несоциалистическими партіями. Вопросы „реформированія“ политической жизни, партійныхъ тактикъ и пр. насъ здѣсь не интересуютъ. На первое мѣсто для меня въ этой работѣ выступаетъ вопросъ великой субъективной важности, вопросъ цѣльнаго, согласованнаго въ своихъ частяхъ міросозерцанія. По этому я подхожу къ социализму здѣсь какъ къ міросозерцанію, рассматриваю его съ чисто философской точки зрѣнія, т. е. ищу въ немъ не факта, оправдываемаго его дѣйствительностью, а смысла. Этотъ смыслъ и пониманіе я пытался найти обнаруженіемъ основной философской предпосылки социализма, безъ которой онъ не мыслимъ

какъ міросозерцаніе, и потомъ, установивъ этотъ основной принципъ, попытался примѣнить его въ видѣ критерія какъ къ несоціалистической, такъ и къ соціалистической теоріи.

Многія высказываемыя въ предлагаемой работѣ мысли далеко не новы и для тѣхъ, кто ищетъ новаго и только новаго, эта работа вѣроятно не представитъ никакого интереса. Вопросъ о новизнѣ отодвигается для меня на второй планъ. Важно знать, признаны-ли тѣ мысли и ихъ сочетаніе, которыя отстаиваетъ данная работа, или нѣтъ. И отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ въ моихъ глазахъ полное оправданіе моей рѣшимости опубликовать предлагаемую работу. Бываютъ времена, когда напоминаніе и защита уже не новаго составляютъ насущную потребность. Такимъ образомъ, намъ нѣтъ нужды опасаться, что насъ кто-нибудь попрекнетъ въ повтореніи стараго. Въ центрѣ интереса стоитъ и долженъ стоять вопросъ о правдѣ, о жизненности, а не о новизнѣ. Поэтому я рѣшаюсь напутствовать данную работу пожеланіемъ, чтобы читатель видѣлъ въ ней хотя и скромную, но искреннюю попытку найти путь къ этой правдѣ, къ цѣльному согласованному міросозерцанію.

М. Рубинштейнъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение	стр. 1.
I. Соціалізмъ какъ міровозрѣніе	„ 4.
II. Идея цѣнности личности какъ необходимая предпосылка соціализма	„ 19.
III. Идея цѣнной личности и индивидуализмъ	„ 30.
IV. Индивидуалистическій хозяйственный строй съ точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности	„ 44.
V. Коллективизмъ съ точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности	„ 58.
VI. Идея цѣнной личности и діалектическій методъ	„ 80.
VII. Историческая необходимость и вопросъ о свободѣ воли	„ 99.
VIII. Идея цѣнной личности и идеалы	„ 108.
IX. Свободная любовь и свободная нравственность	„ 111.
X. Идеаль эмансипаціи съ точки зрѣнія цѣнной личности	„ 121.
XI. Истинная дѣйствительность	„ 123.

Введение.

„Если нѣтъ никакой надежды на громадный прогрессъ въ состояніи большей части человѣчества, то я съ радостью привѣтствовалъ бы приближеніе благодѣтельной кометы, которая бы смела всю исторію“.

Гуклей.

Существенная сторона трагедіи современной интеллигенціи заключается въ значительной степени въ томъ, что вѣковая массовая жизнь вынесла на своихъ плечахъ небольшую группу личностей, которая по своимъ воззрѣніямъ, идеаламъ, запросамъ ушла настолько далеко въ высь, что рискуетъ потерять изъ виду ту почву, которая породила ихъ и въ которой глубоко погружены всѣ питательные корни этой группы. Съ каждымъ шагомъ впередъ на почвѣ культуры по направленію къ своимъ цѣностямъ культурная личность все больше растягиваетъ ту нить, которая связываетъ ее съ дѣйствительностью и рискуетъ перервать ее. Голова въ небесахъ, а ноги погрязли въ внѣшне-культурной, внутренне-почти животной жизни массы. Въ этомъ смыслѣ чело-

вѣчество, а въ особенности сознание культурной личности раздражается на части живьемъ. И чѣмъ культурнѣе сознание, тѣмъ больнѣе отзывается на немъ эта дисгармонія въ жизни человѣчества. Напрасно было бы указывать на ослѣпительные успѣхи культуры, въ особенности на техническіе успѣхи нашего вѣка. Намъ ни на минуту не слѣдуетъ обманывать себя относительно степени культуры нашего времени. Внѣшняя обстановка, колоссальные города, пышные дворцы, галлерей музеи, литература, современная техника,—однимъ словомъ всѣ тѣ чудеса, которыми гордится человѣчество, это за небольшимъ исключеніемъ только блестящая мишура, которая легко обманываетъ массу, невнимательнаго наблюдателя, вознося насъ „царей природы“, на головокружительную высоту мнимой культурности. Но стоитъ только намъ взглянуть въ современную культурную жизнь, набраться мужества заглянуть за кулисы современнаго культурнаго міра,—какъ васъ обдастъ нестерпимою мразью отвратительной атмосферы звѣриныхъ инстинктовъ, передъ вами развернется тогда картина низкаго духовнаго уровня, грубыхъ вкусовъ и инстинктовъ, которые низводятъ людей на степень животныхъ, атмосфера физическаго и духовнаго разврата, утонченнаго грабежа, господства грубѣйшихъ похотей, ради удовлетворенія которыхъ люди не останавливаются передъ убійствомъ—хотя бы видоизмѣненнымъ и медленнымъ сотенъ и тысячъ себѣ подобныхъ. Мы не станемъ останавливаться долго у этой картины. Пусть читатель только для поясне-

нія внимательнѣе приглядится къ т. н. „трезвой, реалистической“ политикѣ старой развратницы Европы, наприм., хотя бы достойное лучшей участи спокойствіе и невозмутимость, съ какой она мѣрилась и мирится съ звѣрствами, которыя совершаются надъ армянами, евреями, туземцами въ колоніяхъ и т. д. И отрадные факты, которыми такъ бѣдна жизнь человѣческихъ обществъ въ массѣ, какъ бы тонуть въ этомъ океанѣ слезъ, безобразія и лжи; тамъ, гдѣ они еще мелькаютъ на поверхности, они какъ будто еще больше отѣняють въ культурномъ сознаніи всю боль возникшаго разлада и мучительное страстное стремленіе къ полной развитой гармоніи. Невольно начинаешь, глядя на все это, думать, что мы уже вовсе не такъ далеко ушли отъ культурнаго періода свайныхъ построекъ по цѣнности нашего нравственнаго и духовнаго уровня въ массѣ. И чѣмъ культурнѣе сознаніе, тѣмъ громче слышатся ему раздирающіе вопли и стоны той самой массы, которая больше инстинктивно рвется къ свѣту, на которую и пришлось уже натянуть плохо скроенный костюмъ европейцевъ, но которая по прежнему недалеко ушла отъ животныхъ. Потому что тѣ цѣнности, которыя мы объединяемъ подъ названіемъ *истинной* культуры, остаются для массы или вовсе чуждыми или знакомы ей только по наслышкѣ.

Такимъ образомъ совокупность всѣхъ цѣнностей высоко развитого культурнаго сознанія оказывается чѣмъ-то въ родѣ идеально-красиваго творенія искусства, которое вправлено въ омерзитель-

тельно безобразную раму, — божественно-красивой статуей, на которую натягивают дегтем смазанные сапоги, черноморскіе шаровары и т. д. и выставляют ее на поруганіе темной массы. И каждый комъ грязи, каждое поношеніе взглядомъ, мыслью, движеніемъ горько, болѣзненно отзывается въ сознаніи творца этихъ цѣнностей, культурной личности, и рветъ въ его душѣ безжалостной рукой тѣ струны, которыя могли бы слиться въ полный, могучій рядъ аккордовъ.

Глубокій трагизмъ все повышающагося прогресса и культуры и заключается въ самомъ критеріи этой культуры, именно въ возможности опредѣленія степени культуры ея кульминаціоннымъ пунктомъ. Въ этомъ сказывается тотъ фактъ, что здоровое сочетаніе качества съ количествомъ оказалось разодраннымъ, и человѣчество вступило въ періодъ культурной авантюры, на подобіе политической, когда власть имущіе стремятся безъ удержку къ расширенію границъ государства, не заботясь о его внутреннемъ укрѣпленіи. Разрывъ между качествомъ и количествомъ въ культурѣ уже начинаетъ ощущаться съ все большей силой и человѣчество должно искать исхода изъ этого разрыва на пути восстановленія нарушеннаго равновѣсія между качествомъ и количествомъ въ культурномъ развитіи.

Мятущееся сознаніе современной интеллигенціи ищетъ выхода изъ этого царства безконечныхъ диссонансовъ и съ жадностью бросается на всякое явленіе, которое ему кажется достаточно

могущественнымъ, чтобы создать ему царство гармоніи. Такимъ спасителемъ въ нашу эпоху представляется социализмъ, и именно съ этой точки зрѣнія интересовъ культурной личности мы и обратимся къ нему,—не какъ къ объекту политико-экономическаго изученія, а къ его принципамъ, къ его философіи, болѣе того—мы сконцентрируемъ все наше вниманіе на одномъ вопросѣ, а именно на вопросѣ о томъ, какое мѣсто занимаетъ въ немъ цѣнность личности и что обозначаетъ для культурной личности социализмъ. Если намъ удастся только поднять этотъ вопросъ, бросить на него новый лучъ свѣта, хотя бы съ одной стороны, то и этимъ будетъ уже достаточно оправдано появленіе этого произведенія. Потому что передъ нами вопросъ глубокой важности, вопросъ о жизни или смерти личности и потому онъ заслуживаетъ нашего полнаго вниманія.

Обращаясь къ разсмотрѣнію этой проблемы, мы можемъ спокойно оставить въ сторонѣ разнообразныя теченія въ социализмѣ и будемъ считатьъ съ его общей идеей, игнорируя тѣ спеціальныя техническіе пути, по которымъ социализмъ долженъ будетъ пойти, чтобы провести свою цѣль въ дѣйствительность. Эта общая идея чище и плодотворнѣе всего выразилась въ марксизмѣ и его носительницѣ социалдемократіи. Поэтому марксизмъ и является для насъ конкретнымъ факторомъ, который мы будемъ имѣть главнымъ образомъ въ виду, говоря о социализмѣ и коллективизмѣ.

I.

Соціалізмъ какъ міровоззрѣніе.

Въ теоріи соціалізма, которую, какъ мы уже замѣтили выше, мы разсматриваемъ въ данномъ случаѣ съ точки зрѣнія культурной личности и ея интересовъ, совершается глубокой переломъ. Наивная и грубая теорія матеріализма могла психологически хорошо подходить по своей рѣзкости и склонности къ отрицанію, къ боевымъ цѣлямъ соціалізма, потому что соціалізму на первыхъ порахъ предстояла грандіозная работа отрицанія. Но теорія соціалізма въ своемъ собственномъ развитіи обнаружила слишкомъ малую дозу той самой эволюціонности, которую она санкціонировала какъ абсолютный принципъ міропониманія. Теорія и практика пошли въ разбродъ. Идеализмъ въ практической работѣ далеко не гармонируетъ съ матеріализмомъ въ теоріи. Практика и теорія оказываются теперь рѣшительно несогласными и противорѣчащими другъ другу во многихъ своихъ частяхъ. Соціалізмъ все болѣе угрожаетъ утратить основную тенденцію въ своемъ прежнемъ характерѣ, — тенденцію стать цѣльнымъ міровоззрѣніемъ, — и превратиться въ политическую теорію только партіи, которая защищаетъ интересы одной, хотя и многочисленной группы лицъ. Соціалізмъ на нашъ взглядъ стоитъ теперь на перепутьи: либо удержать свои историческіе пережитки и тогда стать только партіей,

защищая интересы только одного класса, либо отбросить ихъ и развернуться въ цѣльное міровоззрѣніе, ставъ носителемъ великой идеи общечеловѣческаго будущаго. Послѣдній путь повелительно диктуется основнымъ характеромъ социализма и только на этомъ пути личность можетъ пробиться къ гармонизированной дѣйствительности.

Первой и основной преградой на пути къ міровоззрѣнію является матеріализмъ какъ міровоззрѣніе. Если прежде, въ пору народженія социализма какъ широкаго массоваго теченія, этотъ философскій взглядъ и рѣзкое выдѣленіе экономического фактора какъ единственнаго фактора исторіи могло имѣть свое достаточное основаніе, то тѣмъ больше чувствуется нужда теперь освободиться отъ безграничнаго преувеличенія этихъ занесенныхъ факторовъ и тѣмъ ~~менше~~ менше доводить дѣло до подчиненія имъ и ломки ради нихъ основнаго характера социализма. Они представляютъ собой могучее средство найти путь къ сердцу и разуму задавленной и забитой массы, но ихъ значеніе исчерпывается въ значительной степени этою практическою и служебною ролью. Признавая экономическій факторъ основнымъ, нельзя забывать, что это не исчерпывающее начало; что въ немъ меньше всего гарантіи за достижимость цѣльнаго міровоззрѣнія, которое теперь составляетъ основной вопросъ жизни культурной личности: социализмъ долженъ развернуться въ широкое міровоззрѣніе. Нужно свергнуть деспотію зазнавшихся средствъ и дать пол-

ный просторъ развитію теоретическихъ зародышей, заложенныхъ въ социализмъ. До сихъ поръ теорія была на службѣ у практики. Теперь дѣло идетъ о внутреннемъ освобожденіи, освобожденіи глубокой важности, о созданиі гармоніи теоріи и практики. Таково основное требованіе личности. Нужно сбросить цѣпи догматическаго консерватизма, съ какимъ социализмъ держится за свои традиціи, чтобы сдѣлать его способнымъ выдержать и теоретическую, философскую борьбу на основѣ современныхъ научныхъ данныхъ съ его серьезными противниками. Теперь, когда горячій пылъ и разгоряченность геройской борьбы небольшой группы лицъ съ безбрежнымъ моремъ противниковъ отошли въ область прошедшаго, когда идея социализма развернула его въ могучее теченіе колоссальной исторической важности, наступилъ моментъ, когда нужно съумѣть встать на міровую, общечеловѣческую точку зрѣнія не только инстинктомъ, но и сознательно, не только на практикѣ, но и въ теоріи. Надо подняться надъ узко-классовымъ уровнемъ и узрѣть общечеловѣческое, сбросить съ себя власть боевой практической атмосферы,—поскольку дѣло идетъ о теоріи, освободиться отъ раздраженія воюющихъ сторонъ. *Для мірового теченія нужна міровая точка зрѣнія.* Нужно научно-философское обоснованіе социализма какъ міровоззрѣнія, вся сущность котораго неудержимо гонитъ къ этическому идеализму.

Современная социалистическая теорія страдаетъ недоговоренностью и философской непо-

слѣдовательностью во многихъ отношеніяхъ. Мы не думаемъ давать здѣсь исчерпывающаго разбора всѣхъ этихъ вопросовъ и ограничимся только скромной задачей указать на тѣ невыясненные или противорѣчивыя на нашъ взглядъ проблемы, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ вопросу о цѣльномъ міровоззрѣніи и положеніи цѣнной личности въ социалистическомъ міровоззрѣніи.

И прежде всего передъ нами встаетъ вопросъ о будущемъ. На этотъ вопросъ нерѣдко получается отвѣтъ, что вопросъ направленъ не по адресу: прежній утопическій социализмъ могъ въ отвѣтъ на этотъ вопросъ строить радужныя картины будущаго; современный-же *научный* социализмъ видитъ свою задачу въ познаніи хода развитія исторической жизни и предвидѣніи обоснованнаго имъ грядущаго. Но, вѣдь, это далеко не все. Не говоря уже о той помощи, которую социалисты собираются оказывать „*необходимому*“ историческому процессу, они проявляютъ за невозможностью или незначительностью своего участія извѣстное сочувствіе, желаніе этого будущаго. Такимъ образомъ это будущее превращается въ *цѣнность*. Оно для насъ далеко не безразлично, потому что, говоря прямо, оно является нашимъ *идеаломъ*. Поэтому это будущее — именно потому, что оно цѣнность, нѣчто желанное, — требуетъ опредѣленія, распознанія. То механизированіе социализма, которое получается въ результатъ у чрезмѣрно натурализирующихъ исто-

рической процессъ теоретиковъ социализма, обрываетъ въ сущности у социализма тѣ крылья, которыя несутъ всю практику и успѣхъ социализма. Социализмъ весь проникнутъ молодымъ, пламеннымъ, необузданнымъ духомъ борьбы за лучшее будущее. Каждое слово, каждый штрихъ социалистической теоріи указываетъ намъ на будущее, требуетъ энергичной, немедленной борьбы съ настоящимъ ради будущихъ цѣнностей, требуетъ всесокрушающаго духа отрицанія, но опять таки, чтобы очистить мѣсто будущему. Онъ требуетъ широкой творческой работы, напряженія всѣхъ умственныхъ и физическихъ силъ и уже для одного уразумѣнія его теорій онъ зоветъ человѣка подняться на извѣстную высоту развитія, откуда ему могъ бы открыться широкій горизонтъ великаго будущаго. Социализмъ это ученіе дѣятельности по преимуществу. Социализмъ и борьба, т. е. *идейная*, направленная на цѣнности дѣятельность—не раздѣлимы. Но борьба и идейная борьба требуетъ сознательныхъ цѣлей, цѣнностей. Ихъ-то социализмъ или не даетъ, или-же, выставляя ихъ, прорываетъ узкія рамки матеріализма и остается въ долгу передъ культурнымъ сознаниемъ, которое ждетъ отъ него теоретическаго обоснованія права выставлять такія цѣнности. Этого права у социализма и не можетъ быть; пока онъ держится матеріалистическаго міровоззрѣнія.

Для цѣнной личности въ современномъ социализмѣ такимъ образомъ теоретически не хватаетъ самаго главнаго. При всякой попыткѣ от-

дать должное суящности социализма, исходить по-
слѣдовательно изъ основного, принципиальнаго
характера этого ученія и изъ этого кристалль-
но-чистаго идеалистическаго источника про-
бится къ цѣльному, гармоничному міровоззрѣ-
нію,—идейное ядро социализма приносится въ
жертву матеріализму. Социализмъ подстригается
подъ грубую гребенку матеріализма, который не
способенъ ни охватить самой цѣнной области че-
ловѣческаго я, наприм. этики и исторіи, ни удов-
летворить его самыхъ насущныхъ потребностей
въ *дѣятельномъ* міросозерцаніи, для котораго
нужны цѣнности, идеалы, нормы. Это можетъ
дать только идеалистическое міровоззрѣніе. Даже
тѣ, кого уже матеріализмъ не удовлетворяетъ
больше, подъ вліяніемъ ~~того~~ же гипноза прош-
лаго,—вѣдь матеріализмъ выступилъ въ каче-
ствѣ перваго протестанта противъ историческихъ
традицій, и это ставится въ заслугу его сущно-
сти,—берутся за системы, въ которыхъ фигури-
руетъ тотъ-же матеріализмъ, но въ подчищенной
съ научной точки зрѣнія формѣ.

Мы все время пользуемся терминомъ „идеа-
лизмъ“ и спѣшимъ здѣсь же во избѣжаніе недо-
разумѣнія предпослать въ поясненіе этого терми-
на нѣсколько словъ. Мы далеки отъ мысли
звать къ традиціонному метафизическому идеа-
лизму, который признавалъ трансцендентное бы-
тіе и направлялъ на него свои познавательныя
силы. Въ этомъ смыслѣ мы—антиметафизики ¹⁾

¹⁾ См. мою статью „Генрихъ Риккертъ“ Вопросы фи-
лософій 1907 г. I кн.

и думается намъ, въ большей степени, чѣмъ чистые матеріалисты, у которыхъ это абсолютное въ видѣ матеріи является не чѣмъ инымъ какъ самымъ неприкрашеннымъ гостемъ изъ міра трансцендентнаго бытія. Наши марксисты самыхъ разнообразныхъ порядковъ все по прежнему рубрицируютъ всѣ философскія теченія въ двухъ направленіяхъ: на ученія, которыя утверждаютъ первенство субъекта передъ объектомъ, духа передъ матеріей — „идеализмъ“ (проще — спиритуализмъ), и ученія, которыя настаиваютъ на „дѣйствительности міра, т. е. на первенствѣ матеріи. Въ такомъ духѣ пишетъ Энгельсъ, Бельтовъ, не говоря уже о г-жѣ Аксельродъ и массѣ социалистической интеллигенціи. П. Юшкевичъ призналъ эти ученія въ широкомъ смыслѣ слова двумя полюсами, „около которыхъ вращается вся философская мысль“. Нельзя не удивиться, съ какимъ консерватизмомъ социалистическіе круги держатся за устарѣлыя теоріи и представленія, какъ незначительна ихъ способность эволюціонировать на ряду съ мѣняющимися фактическими и научными условіями. До крайности простая группировка въ выше приведенномъ вкусѣ оказывается теперь въ особенности слишкомъ узкой, примитивной: одни изъ самыхъ интересныхъ теченій современной философской мысли абсолютно не укладываются въ это съ философской точки зрѣнія прямо таки ужасное Прокрустово ложе. Какъ примѣръ приведемъ теоретико-познавательный идеализмъ Риккерта, который мы и имѣемъ главнымъ образомъ въ виду, отстаивая идеализмъ; это міровоззрѣніе, не

лишая насъ необходимаго для личности какъ воздухъ міра цѣнностей, обладаетъ несравненно большей дозой антиметафизичности—непризрачной, а дѣйствительной, и большимъ эмпиризмомъ, чѣмъ всякаго рода не идеалистическія ученія, а тѣмъ болѣе материализмъ, потому что это міровоззрѣніе видитъ дѣйствительность во всемъ богатствѣ и при томъ въ *живомъ* богатствѣ, не атомизированномъ и умерщвленномъ научнымъ объясненіемъ:—во всемъ богатствѣ непосредственно переживаемаго міра ¹⁾).

Еще непонятнѣе упреки новокантіанству въ томъ, что онъ превращаетъ дѣйствительность въ грезу. Ни заявленія самого Канта, ни его „опроверженіе идеализма“ (Беркли), ни комментаріи современныхъ новокантіанцевъ не трогаютъ нашихъ теоретиковъ социализма. „Die Erfahrung, говоритъ Кантъ, ist nicht Schein, sondern Erscheinung. Sie ist die einzige Erkenntnis, die wir haben, nur durch Erfahrung lernen wir die Wahrheit erkennen. Jenseits der Erfahrung giebt es keine Erkenntnis, dort hat man nichts zu suchen“ ²⁾.)—Но на плечахъ социализма попрежнему тяготѣетъ это непостижимое недоразумѣніе, мѣшая ему развиться въ цѣльное жизнеспособное, жизнеохватывающее міросозерцаніе. И его не бу-

¹⁾ Подробности см. „Генрихъ Риккертъ“ Вопросы Философіи 1907 г.

²⁾ „Опытъ не видимость, а явленіе. Опытъ—единственное познаніе, которое у насъ есть, только путемъ опыта познаемъ мы истину. По ту сторону опыта нѣтъ познанія, тамъ нечего искать“.

См. наприм. также „Прологомена“ Канта. Перев. Вл. Соловьева изд. 2-е стр. 181.

и самого социализма, какъ мы увидимъ позже; или же подъ небомъ понимаютъ трансцендентный, потусторонній міръ духа,—спиритуализмъ, на основаніи все того-же младенчески-философскаго подраздѣленія,—и тогда у социализма есть могущественный предшественникъ и союзникъ: это—*Кантъ* и новокантіанцы, изъ которыхъ первый, думается намъ, разъ навсегда покончилъ съ наивнымъ утвержденіемъ трансцендентнаго бытія. Въ новокантіанствѣ это ярче всего выразилось въ гносеологическомъ идеализмѣ.

Но они не остановились на этомъ. Небо въ первомъ смыслѣ,—въ смыслѣ міра цѣнностей,—нужно личности и прежде всего социализму какъ воздухъ, которымъ мы дышемъ. Міръ цѣнностей и міръ фактовъ; міръ того, чего нѣтъ, но что должно быть, и міръ того, что есть, но чего не должно быть,—это два полюса, это положительное и отрицательное электричество. Для тока жизни, дѣятельности нужны оба міра. Въ этомъ дуализмѣ должнаго и существующаго кроется жизненный, но еще не опознанный нервъ всякой дѣятельности и тѣмъ болѣе социализма. Задача же человѣчества идти отъ міра фактовъ къ міру идеала и въ этомъ направленіи вершить ихъ синтезъ путемъ все большаго осуществленія цѣнностей. Въ этомъ новокантіанскомъ синтезѣ „земля“ и „небо“ не огонь и вода, какъ это получается при наивномъ рубрицированіи философскихъ воззрѣній, а необходимые, обуславливающие другъ друга и ихъ синтезъ факторы.

Въ интересахъ того-же стремленія сознанія

культурной личности къ гармоничному міровоззрѣнію необходимо обратить вниманіе еще на одну черту, которая стоитъ на пути здороваго развитія. Въ социалистической литературѣ то и дѣло попадаются выраженіе „пролетарская философія“, „пролетарская правда“ и т. д. Самъ по себѣ этотъ фактъ могъ бы считаться безобиднымъ, если бы въ немъ не была заложена богатая возможность впасть въ роковое заблужденіе, потому что все это скверные симптомы философской захудалости, обнищанія мысли, все та-же наклонная плоскость, по которой социализмъ угрожаетъ скатиться отъ великаго провозвѣстника будущаго, отъ цѣльнаго міросозерцанія къ „только политической партіи“, къ сектѣ, вообще къ суженой формѣ самодовольной ограниченности. Есть *одна* правда, есть *одна* философія, есть только *одна* истина, если она вообще не отрицается, и тогда она не пролетарская, а общечеловѣческая,—больше: она истина и имѣетъ силу въ всякой зависимости отъ бытія. Социализмъ долженъ искать не пролетарской философіи ¹⁾, не правды секты, а единую правду какъ таковую, иначе его рѣчи о познаніи—нуль. Это не значитъ, что мы хотимъ абсолютировать какую-либо систему. Нѣтъ. Это значитъ только, что всѣ системы выражаютъ для насъ страстную попытку познанія единой вѣчной правды, безъ которой нѣтъ смысла въ стремленіи къ познанію. Все это болѣе или менѣе удачныя,

АБСОЛЮТИРОВАНО

ИНСТИТУТЪ ФИЛОСОФІИ

¹⁾ См. наприм. Андреевъ «Соврем. Мір»

Научный Наблюдет

№ 13277

окрашенныя пониманія этой правды, но всё они одинаково дышатъ глубокой вѣрой въ возможность единой вѣчной истины. Правда объективно должна быть одна для всѣхъ, и если пролетаріи или буржуа пойметъ это иначе, то тѣмъ хуже для него.

И пусть намъ не кажется, что мы въ данномъ случаѣ разбираемся съ принципами, которые лишены практическаго значенія. Соціализмъ долженъ стать міросозерцаніемъ, или его совсѣмъ не будетъ; а для этого ему не хватаетъ согласованной во всѣхъ своихъ частяхъ теории и практики. Онъ долженъ пробивать себѣ дорогу, завоевывать міръ. И среди самыхъ сильныхъ его соперниковъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія являются современныя религіозныя ученія съ ихъ духовною проповѣдью. Они могутъ попасть въ самое больное мѣсто соціализма: онъ теоретически оставляетъ совершенно неудовлетвореннымъ дѣятельный духъ человѣка, который не утѣшитъ никакими историческими необходимостями:—онъ можетъ найти удовлетвореніе только въ разумной необходимости, которая зиждется на оцѣнкѣ и свободномъ выборѣ—свободномъ, конечно, не отъ причинности, а только отъ „законовъ природы“. Если крупнымъ недостаткомъ современныхъ религіозныхъ ученій является то обстоятельство, что они учатъ только умирать и жить для смерти, что они игнорируютъ *землю*, то соціализмъ подъ страхомъ гибели долженъ освободиться отъ другого не менѣе крупнаго грѣха: отъ игнорированія *неба* въ смыслѣ идеаловъ, цѣн-

ностей, царства цѣлей. Вся сущность его требуетъ, чтобы онъ сталъ міровоззрѣніемъ дѣятельнаго духа, или онъ обрекаетъ себя въ будущемъ на полное безплодіе и разрушеніе. Пока человѣкъ кружится въ водоворотѣ горячей повседневной борьбы, онъ какъ будто не требуетъ признанія себя какъ дѣятельной, руководимой сознательными цѣлями, автономной личности, а не только рабомъ естественной необходимости. Но это объясняется просто тѣмъ, что практическая работа не даетъ ему времени опознать свою теорію, свое *credo* и, — и это самое главное, — даетъ сама собой, по чувству, хотя и бессознательно, удовлетвореніе этой необходимой потребности личности чувствовать и *знать* себя какъ дѣятельное, автономное „я“. Но проходитъ угаръ практической работы, наступаетъ время, когда затихаютъ инстинкты, и тогда вступаетъ уже непреклонно въ свои права требованіе *ясно сознанный* гармоніи теоріи и практики. Чѣмъ дороже намъ земля, тѣмъ менѣе мы можемъ отказаться отъ неба. Намъ нуженъ ихъ синтезъ, ихъ полная гармонія: первое какъ бытіе, матеріаль и сфера нашей жизнедѣятельности, второе какъ долженствованіе, норма, какъ идеаль. Тогда настоящей дѣйствительностью станетъ тотъ міръ, который признавалъ за дѣйствительность Гегель ¹⁾ Это міръ постоянно и бесконечно осуществляющихся цѣнностей. Только въ постоянномъ осуществленіи цѣнностей человѣкъ можетъ

¹⁾ См. „Вопросы философіи и Психологія“ 1905 V. стр. 730 и сл.

найти себѣ удовлетвореніе, потому что въ этомъ случаѣ онъ сознаетъ себя какъ дѣятельную *цѣнную личность*, стремясь къ осуществленію міра должнаго, онъ даетъ и бытіе и всѣми фибрами своего существа живетъ на землѣ. И въ то-же время царство цѣлей освящаетъ это бытіе и обосновываетъ цѣнность какъ самой личности, такъ и ея жизни. Здѣсь возможна безконечная творческая дѣятельность, и личность утверждается какъ принципиальная, неизсякающая возможность нравственнаго и культурнаго творчества. Рождая изъ себя оба міра бытія и долженствованія, человекъ живетъ осмысленно и цѣнно только въ безконечномъ *творчествѣ синтеза этихъ двухъ міровъ*, которые несомнѣстимы какъ міры *бытія* и способны къ безконечному сліянію въ божественную гармонію, когда они представляютъ изъ себя міръ *бытія* и міръ *идеала*.

Но пробиться къ этой гармоніи, настоятельно диктуемой насущными запросами культурной личности, социализмъ можетъ только, сознавъ свою собственную сущность и освободившись отъ матеріализма. Съ развитіемъ всѣхъ міровыхъ мотивовъ, которые заложены въ идеѣ социализма, онъ долженъ разорвать сковывающія его цѣпи узко партійной и узко классовой догмы и развернуться въ глубоко нравственную борьбу за царство свободы и широкой культуры человѣческой личности вообще, ея духа и его творчества. Такимъ образомъ основная мысль социализма о томъ, что освобожденіе пролетаріата, будетъ обозначать освобожденіе всего человѣчества требуетъ *цѣльнаго мірс-*

созерцанія, въ которомъ эта мысль могла бы найти свое теоретическое выраженіе и оправданіе. Соціализмъ долженъ завоевать себѣ право апеллировать къ нравственному чувству, къ разуму, къ сознательной личности.

II.

Идея цѣнности личности какъ необходимая предпосылка соціализма.

„Höchstes Glück der Erdenkinder“
„Sei nur die Persönlichkeit“. Göthe.

Какъ это было уже нѣсколько разъ нами подчеркнуто, мы видимъ единственно здоровый путь для развитія и преуспѣянія соціализма въ переходѣ отъ узкой политической теоріи къ полному міросозерцанію, способному охватить не только область законосообразности, но и область *цѣлесо-*образности. Только въ этомъ случаѣ соціализмъ сохранить свою цѣнность для культурной цѣнной личности. Путь этотъ къ цѣльному міровоззрѣнію, какъ намъ кажется, ясно вытекаетъ изъ основного принципа соціализма, который не нашель достаточно сознательнаго и яркаго выраженія въ современной исторической формѣ выраженія социалистической теоріи, но который тѣмъ не менѣе имѣеть рѣшающее значеніе для всего социалистическаго міросозерцанія. Чтобы обнаружить этотъ принципъ, который несетъ на себѣ весь смыслъ соціализма, мы зададимся простымъ вопросомъ

о конечной цѣли этого мірового движенія, о его смыслѣ и цѣнности.

Ясно и опредѣленно названа социализмомъ только одна конечная цѣль, это „Хлѣбъ земной“, сытость массъ, въ то время какъ другая цѣль, развитіе личности, пала въ жертву той-же недоговоренности, упоминается только при случаѣ и до сихъ формъ не нашла себѣ мѣста въ видѣ ясно и опредѣленно выраженного верховнаго принципа всего теченія. Эта цѣль можетъ представляться удовлетворительной, пока мы въ ней видимъ задачу политической партіи. Но социализмъ и не можетъ по своей сущности, и не хочетъ по своимъ выраженнымъ претензіямъ быть только теоріей политической партіи. Онъ въ своихъ видныхъ представителяхъ разсматриваетъ себя какъ новое *міросозерцаніе* и уже, не противорѣча самому себѣ, не можетъ остановиться какъ на цѣли на сытости массъ. Въ этой недоговоренности и надо искать подкладку тѣхъ несправедливыхъ упрековъ социализму въ переоцѣнкѣ желудка, которые ему бросались не разъ и въ нашей русской литературѣ. Такъ, напримѣръ, въ последнее время Бердяевъ въ своей очень интересной книгѣ „Новое религіозное сознание и общественность“ указываетъ на такую подмѣну „хлѣба небеснаго“ „хлѣбомъ земнымъ“, называя это „искушеніемъ Великаго Инквизитора“. Бердяевъ беретъ эту цѣль, годную для узкополитическаго идеала и совершенно невозможную съ точки зрѣнія общаго цѣльнаго міровоззрѣнія, и оцѣниваетъ ее по отношенію къ последнему. А такъ какъ

соціалізмъ только туманно говоритъ о томъ, что сытость массы ему нужна для того, чтобы человѣкъ могъ быть „человѣкомъ“, то этотъ упрекъ всей своей тяжестью ложится на соціалистическую теорію. Но если бы даже мы теорію соціализма и могли освободить отъ упрека, что она переоцѣниваетъ желудокъ и не дооцѣниваетъ духу человѣка, то онъ въ меньшей степени надастъ на соціалистическую практику, на соціалистическую массу, на приемы пропаганды и т. д., гдѣ въ сущности въ качествѣ самаго сильнаго аргумента фигурируетъ все тотъ-же желудокъ и почти совершенно отодвигается на задній планъ то самое ядро соціализма, которое одно только и можетъ наложить на него печать историческаго всеобъемляющаго, общечеловѣческаго величія, печать мірового явленія необъятно глубокой важности. Тутъ не соціализмъ ведетъ, а его ведетъ темная масса загнипнотизировавшая взоръ вожака своей бѣдой, и вотъ онъ въ результатъ рискуетъ остановиться на томъ, что составляетъ правда абсолютно неизбѣжный, но всетаки только этапъ, а не конечную цѣль его путешествія. Тутъ идетъ, какъ это ни горько, подчиненіе глубымъ массовымъ цѣлямъ, межъ тѣмъ какъ дѣло соціализма — все время поднимать массу до пониманія настоящей путеводной звѣзды. Потому что сытость не цѣль, а только средство. И конечная цѣль пока укладывается хотя въ неопредѣленную, но уже въ болѣе цѣнную, идущую дальше формулу: черезъ умнротвореніе желудка къ свободѣ духа.

Въ самомъ дѣлѣ. „Развѣ мы хотимъ быть только сытыми?“ спрашиваетъ Павелъ въ произведеніи Горькаго „Мать“ ¹⁾ и тотчасъ же отгоняетъ отъ себя эту мысль энергичнымъ отрицаніемъ: „Нѣтъ!.. Мы хотимъ быть людьми!“ Въ этихъ простыхъ словахъ сказалаь та здоровая черта рабочаго движенія, которая даетъ право надѣяться, что социализмъ не выродится въ исключительную заботу о „хлѣбѣ земномъ“. То лучезарное, міровое, общечеловѣческое, что на практикѣ живетъ въ социалистическомъ движеніи, должно войти и въ его теорію и освѣтить и эту область затуманеннаго повседневной борьбой и задавленнаго традиціями сознанія. Свою цѣль и свое оправданіе социализмъ долженъ искать въ другой плоскости, а именно—въ цѣнности человѣческой личности.

Человѣкъ! Не забывай, что ты человѣкъ! Сколько глубокаго значенія вложили въ это слово вѣка культурнаго развитія человѣчества. Это то великое наслѣдство, которое прошлое отдаетъ будущему съ завѣтомъ беречь эту святыню. Одно это слово, одинъ тотъ фактъ, что съ человѣкомъ обращаются какъ съ животнымъ, что голодъ сдвигаетъ человѣка на уровень животнаго, вызываетъ во всякомъ культурномъ человѣкѣ бурю негодованія. Но почему? Если мы, придерживаясь чисто натуралистическихъ теорій во всѣхъ отношеніяхъ, — какъ это еще дѣлають современные борцы за освобожденіе труда, въ особенности въ ихъ

¹⁾ Стр. 32.

массѣ,—если мы станемъ утверждать, что чело-
вѣкъ и внѣ разсмотрѣнія естественныхъ наукъ
только высшій разрядъ животнаго, если въ словѣ
„человѣкъ“ не лежитъ для насъ идея чего-то выс-
шаго, если между человѣкомъ и животнымъ нѣтъ
глубокой пропасти,—то къ чему тогда весь шумъ?
Почему тогда только этотъ видъ животнаго за-
служиваетъ земного блаженства, счастія имѣть
право быть сытымъ? Чѣмъ можно въ такомъ слу-
чаѣ обосновать теоретически его право на это?
Одна только борьба за существованіе не въ состо-
яніи дать философскаго оправданія такимъ пре-
тензіямъ человѣка, потому что одна мысль о томъ,
что съ увеличеніемъ населенія соотвѣтственно за-
трудняется жизнь и бѣднѣетъ моя доля, могла бы
заставить насъ не только не сопротивляться уни-
чтоженію по крайней мѣрѣ извѣстной части чело-
вѣчества, но и прямо добиваться этого. Люди
тогда должны были бы взглянуть другъ на друга
какъ самые страшные непримиримые враги, хуже
чѣмъ животныя, потому что послѣднія меньшій
конкурентъ челоѣку, чѣмъ самъ челоѣкъ.

Но мало этого. Если бы сытость была оправда-
ніемъ социализма и его цѣлью, то лучшимъ пожела-
ніемъ челоѣчеству было бы исчезнуть—и возмож-
но скорѣе—съ лица земли, такъ какъ это самый
лучшій и надежный способъ не чувствовать голо-
да, избавиться отъ заботъ этого рода. И хуже все-
го то, что социализмъ становится въ такомъ слу-
чаѣ силовымъ недоразумѣніемъ: чѣмъ челоѣкъ
проще, нетребовательнѣе, чѣмъ менѣе развиты его
вкусы и потребности, тѣмъ больше шансовъ у него

на довольство и на счастье, потому что ему легче удовлетворить свои несложныя требованія къ жизни. Соціализмъ же разсматриваетъ себя какъ глубоко культурное явленіе. Онъ уже требуетъ по самому своему смыслу извѣстной интеллигентности и съ каждымъ шагомъ впередъ повышасть свои требованія къ интеллигентности своихъ адептовъ. Этотъ вопросъ, конечно, безспоренъ. Но, вѣдь, съ повышеніемъ своихъ требованій къ интеллигентности, культурности своихъ адептовъ, однимъ уже предположеніемъ послѣдней соціализмъ понижаетъ шансы на счастье въ обыденномъ, матеріальномъ, „земномъ“ смыслѣ своа для тѣхъ, кто пойдетъ по пути, на который зоветъ соціализмъ. И чѣмъ дальше человѣкъ подвинется на этомъ пути, тѣмъ менѣе шансовъ у него найти удовлетвореніе въ матеріальномъ благополучіи.

Исходъ отсюда одинъ: для него на мѣсто естественныхъ, природныхъ интересовъ должны будутъ стать искусственные „культурные“ интересы, которые путемъ стремленій къ извѣстнымъ идеаламъ, духовнымъ и культурнымъ благамъ повысятъ цѣну жизни, потому что человѣкъ получить возможность въ безграничной и прочной области духовнаго культурнаго творчества развить свои силы, которымъ въ естествѣ природы положены со всѣхъ сторонъ желѣзныя преграды. Но путь къ этимъ цѣнностямъ лежитъ черезъ разрывъ соціализма съ дѣтской порой нигилистическихъ тенденцій и не двусмысленный поворотъ къ кри-

тическому, этическому и социальному идеализму¹⁾.

Въ основѣ социализма лежитъ принципъ цѣнности личности, и безъ него социализмъ не мыслимъ. „Jedes vernünftige Wesen existirt als Zweck an sich selbst“²⁾ говоритъ Кантъ, и въ этомъ уже намѣчается нерушимое основаніе цѣнности личности. Цѣнь заключеній, которыя приводятъ насъ къ признанію цѣнности личности основной предпосылкой социализма, очень проста: 1. Социализмъ имѣетъ смыслъ только какъ утвержденіе цѣнности земной жизни. 2. Земная жизнь есть проявленіе дѣятельности. 3. Слѣдовательно, социализмъ, утверждая цѣнность земной жизни, не можетъ не утверждать, не постулировать возможности *сознательной*, т. е. руководимой признанными личностью цѣностями—цѣлями дѣятельности, потому что другая дѣятельность лишена цѣнности, а вмѣстѣ съ нею падаетъ и цѣнность жизни. Необходимымъ слѣдствіемъ отсюда является признаніе, во-первыхъ, двухъ міровъ, бытія и идеала, и, во-вторыхъ, личности какъ дѣятельнаго и сознательнаго творца ихъ синтеза.

Абсолютированіе экономики и есть то самое страшное проклятіе, которое посылаетъ мѣщанское царство буржуазности вслѣдъ нарождаю-

¹⁾ Въ высшей степени интересно, что, какъ извѣстно. Платонъ обосновалъ цѣнность своего своеобразнаго социалистическаго государства не наивнымъ требованіемъ права насыщенія для всѣхъ, а высшей идеей государства.

²⁾ Каждое разумное существо существуетъ какъ цѣль сама въ себѣ „Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Стр. 52 (по изданію Кирхмана).

щумуся провозвѣстнику будущаго въ надеждѣ, что это проклятіе будетъ достаточно сильно, чтобы погубить его. И дѣло настоящаго прозрѣть въ этомъ обращеніи экономики въ цѣль страшную опасность для міровоззрѣнія. Надо избавиться отъ общаго уровня съ мѣщанскимъ царствомъ, на который становится невольно социализмъ, говоря только объ удовлетвореніи матеріальныхъ интересовъ. А это достижимо безъ потери возможности дѣятельной борьбы противъ современнаго общественнаго строя единственнымъ путемъ точнаго, недвусмысленнаго опредѣленія исключительно *служебнаго* значенія „хлѣба земнаго“, т. е. что онъ нуженъ только какъ *средство* для великой, общечеловѣческой по своей цѣнности цѣли гармоничнаго развитія и культурно-творческаго проявленія индивидуальных человѣческихъ личностей. Экономическій порядокъ никогда не можетъ стать идеаломъ, цѣлью, потому что его собственная цѣнность зиждется на его значеніи необходимаго средства для развитія человѣка и культуры. Пустые желудки — это только зоркіе, ревнивые сторожевые, которые должны быть умиротворены, прежде чѣмъ къ царству духа откроется широкій свободный доступъ. Свободное гармоничное развитіе индивидуальной человѣческой личности — вотъ тотъ идеаль, ради котораго должна быть затрачена вѣковая борьба.

Этимъ и только этимъ можно объяснить себя психологія своего рода массоваго героизма, которая въ разгоряченной атмосферѣ политической

и соціальної боротьби піднімаєть чоловіка до подвига радісного самопожертвованія, до жертви своєї жинзью ради неблизкихъ, незнакомыхъ людей, потому что это совершается ради идеи цѣнной личности, ради чоловіка. Въ это слово мы вкладываемъ сознательно или безсознательно захватывающую насъ идею возможности покоренія природы и власти надъ нею, идею возможности безконечнаго обогащенія культурными цѣнностями. Чоловікъ - личность приобрѣтаєть для насъ характеръ абсолютной цѣнности. Не будь этой цѣнности и соціалистическія стремленія стали бы полнѣйшимъ психологическимъ и философскимъ недоразумѣніемъ. Это недостаточно выдвинутая предпосылка и могла только на благопріятномъ матеріалѣ капиталистическаго развитія породить мощное движеніе 19-го вѣка, послѣ того какъ цѣлыми вѣками назрѣвали практическіе выводы изъ идеи абсолютной цѣнности чоловіка какъ чоловіка. И если прежде нужны были цѣлые трактаты для оправданія соціализма, то современная масса простымъ и яснымъ образомъ заявила свое право на сытость лаконическимъ выраженіемъ: „я чоловікъ.“ Въ этомъ словѣ сказано все: въ немъ сознательно разрывается связь съ животнымъ, въ немъ утверждается равное право всѣхъ людей на жизнь, въ немъ безсознательно высказано несокрушимое убѣжденіе въ высшемъ назначеніи чоловіка. „Сытость нужна не ради сытости, а ради того, чтобы жить чоловікомъ“. Эти за сердце хватающія слова, которыя вы можете услы-

шать часто изъ устъ простолюдина, угадавшаго истину своимъ здоровымъ инстинктомъ, высказываютъ ту основную идею, которую въ горячей политической борьбѣ пропустили партійныя программы. Эта идея цѣнности человѣка какъ личности должна стать альфой и омегой социалистическаго міросозерцанія.

III.

Идея цѣнности личности и индивидуализмъ.

Цѣнная личность—къ этому понятію мы должны прибавить нѣсколько словъ въ поясненіе, потому что оба эти термина должны по существу обуславливать другъ друга. Чѣловѣкъ—личность сознаетъ свое единство и тожество, обладаетъ самосознаніемъ и выражаетъ это свое сознаніе словомъ „я“, безъ котораго личность не мыслима. Это ея единство носить на себя отпечатокъ своеобразнаго характера, — характеръ, который свойствененъ только данному единству и не можетъ ни быть замѣщеннымъ, ни покрытъя другимъ единствомъ. Отсюда вытекаетъ необходимо индивидуальность каждой личности. Такимъ образомъ *самосознаніе* себя какъ одинаго и тожественнаго, особый своеобразный *характеръ* этого дѣятельнаго единства и *индивидуальность*, какъ выводъ изъ двухъ первыхъ, составляютъ основныя необходимыя условія, какимъ должно удовлетворять понятіе личности. Но это конечно далеко еще не все. Изъ всѣхъ опредѣленій, кото-

рыя насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ, мы должны обратить особое вниманіе на то, что личность, чтобы не перестать быть ею, должна необходимо разсматриваться какъ самостоятельный субъектъ своихъ дѣйствій, которыя мы называемъ *ея* поступками. Обычно мы распространяемъ этотъ терминъ за предѣлы его строго ограниченнаго значенія, принимая во вниманіе самую *возможность* такого себя какъ субъекта своихъ поступковъ. Что дѣйствительность не лишаетъ насъ возможности личностей, это мы надѣемся показать при разсмотрѣніи вопроса объ отношеніи діалектическаго метода къ основной предпосылкѣ социализма—цѣнной личности.

Но какую личность мы будемъ считать цѣнною? Отвѣтъ на этотъ вопросъ отчасти уже вытекаетъ изъ того опредѣленія личности, которое мы вкратцѣ набросали выше. Въ центрѣ этого опредѣленія стоитъ ея индивидуальность. Личность намъ дорога какъ индивидуальность, какъ цѣль сама въ себѣ, какъ самодовлѣющее цѣлое. Человѣкъ именно и дорогъ намъ какъ индивидуальная, своеобразная личность, и социализмъ остался бы для насъ непонятнымъ, если бы рухнула эта цѣнность человѣка какъ своеобразной индивидуальной личности. Потому что тотъ презрѣнный сѣрый пьедесталь, на которомъ красуется сверхчеловѣкъ, лучше всего создается нашимъ буржуазнымъ строемъ, какъ это мы надѣемся показать позже. И этотъ пьедесталь имѣлъ бы тогда только служебное значеніе ради кучки олимпійцевъ и такимъ образомъ стремленіе къ

возвеличенію этой массы было бы противорѣчіемъ самому себѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Если мы отбросимъ индивидуалистическое воззрѣніе на дѣйствительность, если мы станемъ отрицать безконечное многообразіе какъ дѣйствительнаго міра вообще, такъ и человѣчества въ частности, то передъ нами получится разноцѣнная—правильнѣе — и вовсе масса единицъ, которыя лишены всякой цѣнности. Погибнуть однѣ, мы ихъ всегда можетъ замѣнить изъ неисчерпаемаго источника фактической дѣйствительности новыми экземплярами. Въ особенности при той „репродукціи“ человеческого и другихъ матеріаловъ, на которую теперь сыпятся со всѣхъ сторонъ жалобы. Для социализма абсолютный индивидуализмъ необходимъ, потому что если люди одинаковы, то они и равноцѣнны, а потому для культуры достаточно той небольшой группы индивидуальныхъ экземпляровъ, которая имѣется въ дѣйствительности. Къ чему мѣшать погибать милліонамъ другихъ экземпляровъ, которые съ объективной точки зрѣнія не вносятъ собой ничего новаго въ культуру, и портить и затруднять жизнь остальной группы. Но, вѣдь, и тутъ мы уже предполагаемъ группу индивидуальныхъ личностей, но непослѣдовательно ограничиваемъ ее рѣдкими, сравнительно немногими экземплярами. Такимъ образомъ, когда мы говоримъ „человѣкъ“, то это ни въ какомъ случаѣ не должно обозначать только родового понятія, полученнаго путемъ отвлеченія отъ всѣхъ индивидуальныхъ особен-

ностей и различій. Наоборотъ въ социальномъ идеалѣ этимъ словомъ надо называть все неизмѣримое богатство человѣческихъ индивидуальностей и ихъ проявленій.

Такимъ образомъ, пока для насъ выкристаллизовалась какъ абсолютно необходимая предпосылка социализма безусловная цѣнность личности, личности индивидуальной, которая не можетъ быть иначе разсматриваема какъ только цѣль въ себѣ, потому что личность незамѣнима. „Въ царствѣ цѣлей все имѣетъ или *цѣль*, или *достоинство*. Что имѣетъ цѣль, на мѣсто того можетъ быть поставлено въ качествѣ эквивалента что-либо иное; наоборотъ, то, что стоитъ выше всякой цѣны ¹⁾, такимъ образомъ не допускаетъ никакого эквивалента, — то имѣетъ достоинство“ ²⁾. Это понятіе цѣнности и входитъ цѣликомъ въ нашъ терминъ цѣнность, потому что недопустимость эквивалента вытекаетъ у насъ изъ признанія личности какъ абсолютно своеобразнаго, незамѣнимаго единства съ вполне индивидуальнымъ характеромъ. Если мы къ этому опредѣленію цѣнности личности прибавимъ еще опредѣленіе творческой и при этомъ культурно-творческой личности, творящей цѣнности, то въ силу этого индивидуальнаго культурно творческаго элемента человѣчество становится органически связаннымъ и цѣльно развитымъ комплек-

¹⁾ Но не цѣнности, — добавимъ мы въ поясненіе.

²⁾ Кантъ „Grundlegung zur Metaphysik der Sitten“ 2-е изд. Kirchmann'a стр. 60.

сомъ индивидуальных цѣнностей, которыя въ своемъ цѣломъ составляютъ единую своеобразную самодовлѣющую цѣпь цѣнностей;—не цѣнность—общее, которая получается изъ всѣхъ цѣнностей путемъ отвлеченія, а цѣнность—совокупность, представляющая единство вполне индивидуальных культурно-творческихъ силъ и ихъ продуктовъ. Сѣрый комъ, именуемый массой, представляетъ изъ себя продуктъ современной обстановки, это безформенный комъ разноцвѣтныхъ спутанныхъ и скомканныхъ нитей, который при другихъ условіяхъ, могъ бы дать цѣльную массу нитей разнообразныхъ цвѣтовъ, длины, толщины и крѣпости. Человѣчество, такимъ образомъ, есть не безконечно большая связка безконечно малыхъ и неразличимыхъ единицъ, а соединеніе *личностей* и *ихъ возможностей* какъ цѣнныхъ индивидуальных субъектовъ, творческихъ силъ. Но человѣчество есть для насъ цѣнность-совокупность и именно потому, что она обусловлена составляющими ее цѣнностями, а не наоборотъ, мы должны придти къ заключенію, что *не личность становится цѣнной черезъ человечество, а человечество черезъ личность.*

Мы опредѣлили личность какъ индивидуальную, культурно-творческую силу или какъ возможность ея. И это является только послѣдовательнымъ выводомъ изъ самой сущности понятія личности. То единство, сознаніе котораго было положено нами въ основу понятія личности, не есть единство мертвыхъ элементовъ, а требуетъ признанія себя въ самосознаніи какъ субъекта

своихъ поступковъ. Личность, такимъ образомъ, является единствомъ вполне индивидуальнаго характера разнообразныхъ творческихъ силъ, которыя сливаются въ ней въ единую дѣятельную силу. Дѣятельность—это необходимый предикатъ понятія личности, потому что съ его уничтоженіемъ исчезаетъ и самая возможность сознавать себя какъ субъекта извѣстныхъ дѣйствій, поступковъ. Но продукты какъ и направленіе этихъ творческихъ силъ не могутъ не быть индивидуальны, потому что индивидуальны ихъ творцы, индивидуальны ихъ стремленія, и ту же печать индивидуальности должны нести на себѣ и ихъ продукты. Тамъ, гдѣ мы съ нашей близорукостью не видимъ никакой цѣнности и различія, мы смѣшиваемъ незначительность—съ нашей субъективной точки зрѣнія—различій и вовсе игнорируемъ самую ихъ возможность, межъ тѣмъ какъ здѣсь въ теоріи, при стремленіи къ объективному разсмотрѣнію все это приобретаетъ другую окраску.

Но творческой дѣятельности личности мы поставили въ условіе возможность и стремленіе къ *культурно-творческой дѣятельности*. Личность, чтобы остаться цѣнной, должна искать для себя свободнаго проявленія своихъ силъ, ихъ полнаго размаха, потому что въ этомъ ея жизнь, и тутъ прежде всего ея стремленія должны быть обращены на область культурнаго творчества съ его непреходящими своеобразными цѣнностями и возможностью свободнаго проявленія творческихъ силъ. Въ физической области человѣкъ закованъ

въ крѣпкія цѣни и ему предоставляется только такой просторъ, какимъ позволяютъ пользоваться сковывающія его цѣни. Изъ этого царства ограниченія, а то и порабощенія есть только одинъ выходъ къ свободѣ—это путь культурнаго творчества, царство духа, не духа спиритистовъ, не небеснаго, а земнаго, человѣческаго, *творческаго* духа. Этотъ духъ неограниченный властелинъ своего царства, пока онъ творитъ. Въ то время какъ въ царствѣ тѣла все клонится къ тому, чтобы сдѣлать человѣка матеріаломъ, въ царствѣ духа, т. е. для культурно-творческихъ силъ человѣка все можетъ стать матеріаломъ. Тутъ истинная свобода. Тутъ на землѣ же — чистая сфера возможности сліянія „земли и неба“, чистая сфера оцѣнки и цѣнностей.

Къ этому царству свободы и свѣта долженъ вести социализмъ. Но передъ нимъ основное требованіе умиротворить тѣло, высвободить его силы, создать изъ врага поборника свѣта. Человѣка нужно освободить въ достаточной степени отъ гнета матеріальныхъ заботъ, чтобы открыть передъ нимъ возможность вступленія на путь свободнаго, окрыляемаго идеалами культурнаго творчества. Для здороваго ума нужно здоровое негнетущее тѣло. Тѣло и духъ должны слиться въ гармоничное цѣлое, чтобы являть *собой* цѣнность и быть *творцомъ* цѣнностей. Тогда только можетъ возникнуть *истинная*, цѣнная дѣйствительность; не дѣйствительность только факта, или только идеи, а живая среда ихъ синтеза, постоянно и безконечно обогащающаяся, жи-

вая и дѣятельная, „дѣйственная“ и потому настоящая „дѣйствительность“¹⁾. Только одухотворенное можетъ быть дѣятельно, и *только въ дѣятельности можетъ быть дѣйствительность*.

Итакъ, личность цѣнна какъ индивидуальная культурнотворческая сила и въ этомъ видѣ она представляетъ необходимую предпосылку социализма. Культура обогащается индивидуальностями. Чѣмъ индивидуальнѣе творческая сила и ея продуктъ, тѣмъ богаче, хотя бы сначала и потенциально, культура. И социализмъ обѣщаетъ дать просторъ этому размаху индивидуальных творческихъ силъ, развитію ихъ безконечнаго многообразія. Только черезъ служеніе этой конечной своей цѣли социализмъ можетъ не только сохранить, но и укрѣпить свое положеніе провозвѣстника общечеловѣческаго будущаго, и цѣннаго, и цѣльнаго міросозерцанія.

Теперь возникаетъ вопросъ, не впадетъ ли социализмъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, полагая въ свою основу принципъ абсолютной цѣнности личности вообще, т. е. устанавливая ихъ равноцѣнность и въ то-же время кладя въ основу личности условіе абсолютной индивидуальности? Къ этому вопросу мы и обратимся теперь.

Когда уже сложилась основная мысль этого произведенія, я прочелъ въ „Современномъ Мірѣ“ въ апрѣльской книжкѣ за 1907 г. статью П. Кузько „Индивидуализмъ и социализмъ въ своемъ

¹⁾ См. Вопросы Философій 1905 V (кн. 80) мою статью о Гегелѣ, стр. 730—737.

взаимоотношеніи“. Обратимся на моментъ къ этой статьѣ, такъ какъ это поможетъ выясненію нашего вопроса.

П. К. энергично настаиваетъ на мысли, что социализмъ только средство для индивидуализма. Но за этимъ утвержденіемъ слѣдуетъ другое, которое на нашъ взглядъ грозитъ въ корнѣ уничтожить „средство индивидуализма“--социализмъ, и эта опасность теоретически-философски тѣмъ болѣе велика, что дѣло идетъ о сохраненіи основного принципа, составляющаго философскій жизненный нервъ социализма. Г. Кузько энергично возстаетъ противъ идеи абсолютной равноцѣнности человѣческихъ личностей, считая ее не только (стр. 255), „вредной для социализма, но и опасной для жизни“. И результатомъ такого отрицанія должно явится, какъ намъ кажется, полное отрицаніе социализма, какъ явленія въ этомъ смыслѣ безусловно отрицательнаго.

Въ самомъ дѣлѣ. Едва ли еще какое-либо другое теченіе стремилось къ такому сохраненію индивидовъ путемъ улучшенія ихъ матеріальныхъ условій, какъ это дѣлаетъ социализмъ. Онъ ведетъ атаку за атакой ради этихъ условій, стремясь всѣми имѣющимися у него средствами спасти возможно большее количество трудящихся, ихъ дѣтей, *не сортируя* ихъ по цѣнности ихъ личности и индивидуальности. Сквозь весь социализмъ, черезъ всѣ рѣчи его сторонниковъ красною нитью протянулось страстное могучее стремленіе вырвать изъ челюстей фабрикъ и заводовъ людей, загнанныхъ туда голодомъ. Ясно, что при-

знаніе равноцѣнности человѣческихъ личностей въ видѣ общаго принципа лежитъ въ основѣ социализма, и если мы захотимъ совсѣмъ его уничтожить, то этимъ мы отрубимъ ту вѣтку, за которую держится социализмъ.

Но предположеніе равноцѣнности личностей въ опредѣленномъ случаѣ нисколько не мѣшаетъ тому, чтобы онѣ расположились въ скалу безконечно разнообразныхъ цѣнностей, какъ это мы сейчасъ попытаемся пояснить. Г. Кузько нападаетъ на Канта за его признаніе личности какъ самоцѣли, какъ абсолютной цѣнности. Межъ тѣмъ эти нападки на нашъ взглядъ зиждятся на неясно представляемомъ отношеніи понятія равноцѣнности къ возможности самыхъ разнообразныхъ, безконечныхъ градацій въ цѣностяхъ.

Мы придерживаемся на всю дѣйствительность, а тѣмъ болѣе на человѣка того взгляда, что въ мірѣ нѣтъ двухъ индивидовъ, которые вполне совпадали-бы другъ съ другомъ. Каждый индивидъ — личность дорогъ для насъ, какъ мы уже говорили, своей индивидуальностью, тѣмъ, чего нѣтъ въ другому, чего не можетъ дать никто иной, потому что въ этомъ заключается одно изъ существенныхъ условій развитія культуры и ея богатствъ. Человѣчество, такимъ образомъ, должно разсматриваться какъ цѣнность — совокупность, въ которой есть только *индивидуальныя* цѣнности со всяческаго рода градаціями, но въ которой нѣтъ *нецѣнностей*. Всѣмъ имъ обще то, что они *цѣнности* и въ качествѣ послѣднихъ, именно *индивидуальныхъ*

цѣнностей онѣ заслуживаютъ, требуютъ отъ насъ активнаго стремленія къ ихъ сохраненію. Человѣкъ дорогъ намъ какъ оригинальная, своеобразная цѣнность, которую онъ, во-первыхъ, представляетъ самимъ собой,—тѣмъ, что въ немъ есть какъ въ таковомъ, и на этотъ счетъ насъ не должно обманывать убѣжденіе въ существованіи сѣрой массы, этого ужаснаго кома, скатаннаго нашими общественными условіями. Все дѣло въ томъ, что у насъ нѣтъ аналогичнаго микроскопу инструмента, который бы ввелъ насъ въ глубь этой массы и напомнилъ намъ основательно, что эта сѣрость состоитъ изъ самодовлѣющихъ индивидуальныхъ единицъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свои оттѣнки, свой отпечатокъ, только опять-таки пришибленный и раздробленный въ тискахъ современной хищнической обстановки. Кромѣ того, индивидъ самъ съ культурно-творческой точки зрѣнія представляетъ для насъ цѣнность и какъ *возможность* большаго, чѣмъ онъ есть въ данное время, и какъ дѣйствительная единица, занимающая въ творествѣ свое, только ей одной присущее индивидуальное мѣсто,—какъ бы мала ни была ея значимость въ общемъ цѣломъ. И, наконецъ, человѣкъ намъ дорогъ какъ возможность порожденія новыхъ культурно-творческихъ индивидуальныхъ личностей, какъ возможный источникъ обогащенія человѣческой физической и духовной мощи, и если данный индивидъ самъ представляется намъ ничтожнымъ, то это далеко еще не значитъ, что въ известномъ сочетаніи съ

другимъ индивидомъ онъ не породить крупной культурно-творческой силы. Такимъ образомъ, социализмъ предполагаетъ безусловную цѣнность личностей какъ таковыхъ, ихъ *незамѣнимость*, а потому онъ долженъ признать ихъ въ извѣстномъ смыслѣ, именно въ силу ихъ индивидуальности, единичности, незамѣнимости *равноцѣнными*, такъ какъ нѣтъ двухъ цѣнностей, которыя были бы вполне тождественны, и потому онѣ всѣ одинаково дороги, и потеря самой малой изъ нихъ не могла бы быть возмѣщена самой большой изъ нихъ, но, съ другой стороны, эти цѣнности и различны, потому что у каждой изъ нихъ своя своеобразная цѣнность.

Такимъ образомъ, идея равноцѣнности въ смыслѣ обладанія цѣностью вообще не исключаетъ необозримыхъ градацій въ самихъ цѣностяхъ. Признаніемъ цѣнности личности вообще мы вовсе не подстригаемъ всѣхъ подъ одну гребенку. Эта идея должна только дать намъ право разсматривать каждаго человѣка какъ цѣнную личность и какъ возможность творчества и, кромѣ того, эта идея только и можетъ требовать, чтобы всѣмъ людямъ какъ цѣннымъ личностямъ дана была полная возможность развить свое индивидуальное, культурно-положительное, цѣнное содержаніе. Такимъ образомъ, наше уравниваніе личностей сводится къ уравниванію *объективныхъ* условій въ смыслѣ улучшенія ихъ для всѣхъ, чтобы въ результатѣ дать полный просторъ развитію, мѣрѣ и проявленію, т. е. *субъективному неравенству* культурно-творческихъ

индивидуальныхъ силъ въ сферѣ творчества и его продуктовъ. Можетъ быть и вѣроятнѣе всего такимъ путемъ создастся культурная аристократія, но это будетъ, — именно въ силу постоянного притока свѣжей крови, — настоящая аристократія. Болѣе того. Признаніе абсолютной цѣнности личности со всѣми вытекающими отсюда выводами необходимой предпосылкой социализма ведетъ къ отрицанію права механизированія или правильнѣе квантифицированія человѣческаго труда. Трудъ, который даетъ продукты для удовлетворенія чисто физическихъ потребностей создаетъ только почву, основу, на которой ожидается расцвѣтъ духовно-творческой дѣятельности. Въ послѣднюю и переносится центръ тяжести цѣнностей. Въ ней лежитъ ядро цѣнности личности. Такъ какъ она является конечною высшею цѣлью социалистическихъ стремленій, то трудъ—творчество по цѣнности перемѣщается въ высшую категорію, хотя онъ въ полномъ размахѣ мыслимъ только на основѣ удовлетворенія продуктами перваго труда. Но это неравенство цѣнности, а не товарной расцѣнки.

Переносъ центръ тяжести въ культурныя цѣнности, мы не выходимъ за предѣлы принципа абсолютной цѣнности личности. Личность остается самоцѣлью, потому что культура есть продуктъ всѣхъ индивидуальностей, ихъ коллективное благо. Его продуктъ и онъ самъ и духовно, и физически представляютъ эту культуру, т. е. творя ее, онъ творитъ самого себя, потому что культурные продукты живы только *черезъ* личность и въ

личности, т. е, въ ея духѣ.

Въ этой-же связи мыслей не лишнее будетъ коснуться и еще одной стороны даннаго вопроса. Часто слышится, что культурно-творческій геній долженъ имѣть свою массу. Намъ представляется это отнюдь не необходимымъ. Это не *conditio sine qua non*. Масса въ сѣромъ смыслѣ, масса какъ средство не нужна сверхчеловѣку въ культурно-творческомъ смыслѣ. Она нужна для сверхкапиталистовъ, сверхополитиковъ и т. д., людей, которые строятъ свое величіе на порабоженіи. Въ культурно-творческой дѣйствительности этому порабоженію не только нѣтъ мѣста, но наоборотъ, всякій новый геніальный продуктъ культурнаго творчества личности обозначаетъ обогащеніе *всей* громады культурнаго человѣчества, или во всякомъ случаѣ возможность этого культурнаго обогащенія своего сознанія; онъ обозначаетъ для массы еще одинъ шагъ впередъ изъ сѣрости, лишній стимулъ къ индивидуализаціи, къ духовному освобожденію, къ культурѣ. Такова роль геніальныхъ научныхъ, поэтическихъ, литературныхъ творческихъ личностей: она прямо противоположна роли политическихъ, капиталистическихъ и др. властелиновъ. Поэтому масса это такое-же сѣрое, относительное слово, какъ и то содержаніе, которое хотятъ вложить въ него современные сверхлюди. Масса также имѣетъ свои и очень большія градаціи, т. е. она далеко не есть то безформенное, безразличное пятно, въ какое она обращается въ представленіяхъ нашихъ сверхчеловѣковъ. Мы обманываемъ себя тѣмъ, что все, что не выдѣли-

лось еще, мы называемъ общимъ именемъ массы, но, вѣдь, это далеко не значить, что то, что мы назвали этимъ именемъ, не породить изъ себя новыхъ талантовъ... Истинно культурная, цѣнная личность, какъ бы велика она ни была, не только не порабощаетъ и не требуетъ массы, но наоборотъ появленіе новой крупной творческой силы обозначаетъ для всѣхъ шагъ впередъ изъ сѣрой, слякотной неопредѣленности.

IV.

Индивидуалистическій, хозяйственный строй съ точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности.

Прежде чѣмъ идти дальше, намъ хотѣлось бы коснуться въ нѣсколькихъ словахъ пресловутаго вопроса о „буржуазномъ наслѣдствѣ“. Выраженіемъ традиціоннаго мнѣнія по этому вопросу служить обычный, отчасти уже потрепанный прокламаціями аргументъ: „Пролетаріи! Вамъ нечего терять кромѣ своихъ цѣней!“ Изъ всего предыдущаго явствуетъ, что эти слова могутъ гармонировать съ сущностью социализма только въ узко опредѣленномъ смыслѣ призыва къ энергичной, непреклонной борьбѣ за свои права человѣка. Но это выраженіе не должно обозначать могильнаго креста надъ всѣмъ, что такъ или иначе породилось буржуазнымъ міромъ. Социализмъ, оставаясь вѣрнымъ своей великой цѣли, призванъ произвести великую переоцѣнку, но не вандаль-

ское разрушеніе. Въ этомъ случаѣ, т. е. при отрицаніи всего того, что огульно объединяется однимъ именемъ „буржуазности“, потери социализма были бы невѣроятно велики: онѣ обозначали бы потерю всего и между прочимъ самаго дорогого для социалиста: потерю основного элемента культурнаго самосознанія, сознанія своего человѣческаго достоинства, достоинства человѣка какъ человѣка, идеи абсолютной цѣнности личности, которую съ невѣроятными муками произвела на свѣтъ многовѣковая культура человѣчества. Потери эти были бы поистинѣ ужасны, если бы съ паденіемъ буржуазнаго строя социализму не осталось бы никакого наслѣдства, и такимъ образомъ тысячелѣтія оказались бы вычеркнутыми изъ исторіи человѣчества: это были-бы Гегелевскія „пустыя страницы исторіи“. Идея абсолютной цѣнности личности народилась при буржуазномъ строѣ. Нѣтъ этого принципа—нѣтъ и социализма. Буржуазное общество это зажившееся или отживающее существо, которое скрипитъ себѣ дальше, смотритъ на свои пережитки какъ на несокрушимые устои и,—и это самое главное,—стѣсняетъ развитіе своего отпрыска душевной атмосферой отжившихъ идей и обстановки. Буржуазный строй долженъ будетъ уступить свое мѣсто новымъ свѣжимъ силамъ, чтобы дать возможность использовать накопленные и порожденные имъ идеи и принципы. Но пролетарію, какъ представителю культурнаго будущаго есть много чего терять, настолько много, что при слѣпой, фанатически догматической борьбѣ и уничтоженіи онѣ

Может срубить ту ветку, на которой онъ самъ сидитъ. Нѣтъ. Съ духовными цѣнными плодами многовѣковой культуры истинный социализмъ не только никогда не можетъ порвать, но онъ явится прямымъ ея наслѣдникомъ и продолжателемъ ея на болѣе жизненной основѣ. Онъ не можетъ выбросить огульно всего накопленнаго человѣчествомъ богатства, не произведя въ немъ критическаго разбора, и результатомъ этого отбора будетъ несомнѣнно признаніе всего того въ этой культурѣ своимъ, что не связано прямо съ порабощеніемъ личности. Наслѣдство это велико уже по одному тому, что въ него входитъ идея абсолютной цѣнности человѣка какъ личности. „Человѣчество долго ищетъ и врядъ ли найдетъ что-нибудь, если было такъ бездарно, что до сихъ поръ ничего не нашло“ ¹⁾. Такимъ образомъ, социализмъ долженъ на нашъ взглядъ проникнуться нѣкоторой долей историзма, чтобы избавившись отъ натуралистической односторонности, пробиться такимъ путемъ къ согласованному міросозерцанію.

Не раздѣляя рѣзко отрицательнаго взгляда традиціоннаго революціоннаго ортодоксальнаго социализма на вопросъ о буржуазномъ наслѣдствѣ, мы займемся теперь вопросомъ о томъ, что даетъ цѣнной индивидуальной личности и ея развитію современный строй съ его индивидуалистическимъ хозяйствомъ. Признавъ абсолютную цѣн-

¹⁾ Н. Бердяевъ „Новое религиозное сознание и общественность“ стр. VI.

ность личности какъ индивидуальной культурно-творческой силы и ея развитіе цѣлью всякаго широкаго жизненнаго соціального движенія, мы должны сдѣлать изъ этого принципа своего рода пробный камень. Съ этимъ критеріемъ мы и обратимся теперь сначала къ современному строю, а затѣмъ къ социализму.

Уже самое названіе индивидуалистическое хозяйство звучитъ въ этомъ отношеніи многообѣщающе, и прежде чѣмъ идти дальше, мы должны отвѣтить на вопросъ, не ищемъ-ли мы того, что у насъ находится за плечами, т. е. не представляетъ ли изъ себя индивидуалистическій хозяйственный строй, какъ показываетъ его имя, разсадника индивидуальныхъ цѣнныхъ личностей и вмѣстѣ съ тѣмъ истинной культуры.

Уже бѣглый взглядъ на современную беллетристическую литературу и литературу недавняго прошлаго не оставляетъ никакого сомнѣнія на счетъ роли индивидуалистическаго хозяйства въ дѣлѣ культивированія культурно-творческихъ индивидуальностей. Пусть намъ будетъ позволено въ этомъ случаѣ для примѣра привести одно случайно выбранное мѣсто изъ также случайно взятаго произведенія Золя „Римъ“: „Въ этомъ кварталѣ св. Маргариты, въ самомъ сердцѣ дѣятельнаго и трудолюбиваго Сентъ-Антуанскаго предмѣстья онъ (Пьеръ) открылъ отвратительные дома, цѣлые переулки, наполненные темными лачугами, безъ воздуха, сырыми какъ погреба, гдѣ жило и умирало отравленное цѣлое населеніе несчастныхъ существъ... Многіе

спали на голомъ каменномъ полу, никогда не раздѣваясь. Ни мебели, ни бѣлья,—жизнь животныхъ, удовлетворяющихъ свои потребности, гдѣ и какъ придется по влеченію инстинкта и по волѣ случайной встрѣчи. Внутри жилищъ вповалку коношились безъ различія пола и возраста люди, вернушіеся къ животной жизни за немѣнимъ необходимаго; подъ давленіемъ такой нищеты, что другъ у друга зубами вырывали объѣдки, выметенные изъ подъ стола богатыхъ. И самымъ худшимъ, самымъ тяжелымъ было это паденіе человѣческаго сознанія. Это былъ уже не свободный дикарь, прогуливавшійся нагишемъ, охотившійся и пожиравшій свою добычу въ первобытныхъ лѣсахъ, а человѣкъ цивилизованный, доведенный до звѣрскаго состоянія, со всеми пороками, со всеми недостатками упадка, грязный, гадкій, безцвѣтный, посреди роскоши и утонченности города, величаемаго королемъ міра“.

На такія неизбѣжныя для индивидуалистическаго хозяйства картинки мы натываемся на каждомъ шагѣ, какъ только мы дѣлаемъ искреннюю попытку ориентироваться въ этомъ вопросѣ съ помощью нашего собственнаго опыта или авторитетныхъ источниковъ нашей и иностранной литературы. Болѣе того. Чѣмъ культурнѣе страна, тѣмъ ужаснѣе оказывается этотъ роковой съ точки зрѣнія цѣнной личности разрывъ между верхами и низами человѣчества. Имѣя въ виду не хищническую изощренность,—кажется, единственную индивидуальную черту, которая культивируется индивидуалистическимъ хозяйствен-

нымъ строемъ,—а индивидуализацію, направленную на воспитаніе, возвращеніе духовныхъ культурно-творческихъ личностей, мы придемъ къ заключенію, что этотъ порядокъ дѣйствуетъ въ направленіи, прямо противоположномъ интересамъ развитія культурно-творческихъ индивидуальностей, цѣнныхъ личностей. Въ этомъ общественномъ строѣ только у немногихъ сравнительно лицъ высвобождаются силы изъ подавляющей личность борьбы за существованіе, которыя потомъ направляются при наличности благоприятныхъ условій въ данномъ субъектѣ и въ его окружающемъ на культурную, творческую работу. У большинства же всѣ силы захватываются погоней за насыщеніемъ, за хлѣбомъ земнымъ. Человѣчество начинаетъ все болѣе походить въ своей подавляющей массѣ на колоссальную массу хищниковъ, которые воспаленными взорами ищутъ добычу, рвутъ ее другъ у друга, лишаютъ другъ друга жизни, насилуютъ, глумятся и все это ради все того же омерзительнаго хищническаго инстинкта наживы, который нарастаетъ въ ужасающихъ размѣрахъ и грозитъ поглотить всѣ остальные запросы. Люди сидятъ по своимъ норамъ, высматривая добычу, грабятъ культуру и духъ человѣка, ведутъ человѣческую личность къ неминуемому при этомъ хозяйственномъ строѣ обнищанію, и новые вороха добычи только раскаляютъ хищничество. Съ первымъ вступленіемъ въ жизнь выступаетъ забота исключительности, дума только о *себѣ*, о *своихъ* дѣтяхъ, о своей семьѣ, и люди давятъ *чужихъ* дѣтей,

разрушаютъ чужія семьи— все для той-же своей норы. Пустые желудки, эти грабители культуры, развратители цѣнной личности и ненавистники ея потребностей, обращаютъ людей въ животныхъ, то подавленныхъ и изломанныхъ невзгодами и лишеніями, запуганныхъ и обращенныхъ въ рабовъ, потерявшихъ свое человѣческое достоинство, то въ алчныхъ хищниковъ съ ненасытной утробой, въ которой безслѣдно исчезаютъ доли десятковъ тысячъ людей;— хищниковъ, которые разучаются говорить по человѣчески и умѣютъ только „лаять“ о тысячахъ, по удачному выраженію Глѣба Успенскаго. Ихъ аппетиты, взрощенные успѣшной наживой, растутъ и угрожаютъ поглотить весь міръ. Въ такихъ людяхъ порываются всѣ связи съ человѣчествомъ: одинъ только объектъ наживы и наслажденія стоитъ передъ ними. Національность, религія, мораль— все это только постольку имѣетъ для нихъ цѣну, поскольку онѣ могутъ стать на службу тому же капиталу. Въ этомъ отношеніи характерно, что идеаломъ конечнаго развитія выставляется возможность владѣть міромъ. Но, вѣдь, это все тотъ же идеаль всенароднаго всеобщаго пожирания.

Нашъ современный „индивидуализмъ“ въ хозяйствѣ развиваетъ только индивидуализмъ хищничества всѣхъ оттѣнковъ, хищнической изощренности, а въ результатѣ получается цѣнность, раздробленная на части, растоптанныя подобія людей, и физически, и духовно покалѣченные единицы— вмѣсто цѣнныхъ, тѣломъ и духомъ гармонично развитыхъ личностей. И идутъ всѣ

въ разбродъ, задыхаясь и падая, и давя другъ друга. „Всѣ сердца разбиты различіемъ интересовъ“, говоритъ Андрей въ произведеніи Горькаго „Мать“ ¹⁾. „Всѣ обглоданы слѣпой жадностью, покусаны завистью, избиты, изранены и сочатся гноемъ... ложью, трусостью... Всѣ люди больные, жить боятся, ходятъ какъ въ туманѣ... каждый знаетъ только какъ его зубъ болитъ“. Такова та дѣйствительность, которая создается нашимъ индивидуалистическимъ порядкомъ: культурныя цѣнности, поскольку онѣ у насъ есть, по большей части созидаются *вопреки* ему.

И корень зла лежитъ въ пагубномъ смѣшеніи *произвола* съ свободой. Даже слово произволь слишкомъ мало подходитъ для характеристики современнаго порядка. Съ точки зрѣнія культурной личности это хаосъ, который человечество устраняетъ изъ менѣе важныхъ областей и оставляетъ его въ болѣе существенныхъ. Предоставленіе индивиду полной свободы борьбы за существованіе отдаетъ его произволу и случайному *стененію* фактическихъ силъ, но самое главное — въ этой хаотической, растлѣвающей атмосферѣ борьбы за существованіе подростаетъ новое поколѣніе, которое въ юной опытѣ учитъ приспособляться уже инстинктивно къ хищническимъ формамъ сосуществованія, кое-какъ затушеванымъ и стянутымъ живыми нитками современнымъ государствомъ. И мы напрасно станемъ указывать на то, что эгоизмъ заложенъ въ насъ

¹⁾ Стр. 152.

природой: природа многое заложила въ насъ, что вѣка культурной жизни передѣлали по своему. И не въ природѣ дѣло, а эгоизмъ и хищничество взращиваются въ насъ ни кѣмъ инымъ какъ индивидуалистическимъ хозяйственнымъ строемъ.

И вотъ этотъ то продуктъ подѣ влияніемъ все той же противной личности рабской покорности фактамъ прошлаго и настоящаго, насилующихъ идею будущаго, возводится въ своего рода законъ природы. „Нѣтъ культуры безъ прислуги“, говоритъ Трейчке ¹⁾, справедливо полагая, что культура немислима безъ рабовъ при современномъ строѣ, которому онъ только не по праву дарить и будущее. „Неизмѣненъ законъ“, говоритъ онъ, „что только меньшинству суждено наслаждаться идеальными благами культуры, масса трудится въ потѣ лица своего“. Этотъ выводъ изъ фактической дѣйствительности, вѣрный по отношенію къ прошлому и настоящему, Трейчке ²⁾ не только возводитъ въ естественный законъ, но и ставитъ его подѣ защиту справедливости. „Этотъ порядокъ“, говоритъ онъ; „справедливъ и необходимъ“. Оцѣнивая нашъ строй съ точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности, мы неминуемо найдемъ послѣднее положеніе Трейчке совершенно немислимымъ. Единственная возможность, которая остается буржуазному строю, это

¹⁾ „Der Socialismus und seine Gönner“ Preussische Jahrbücher Band 34. 1874 г. Стр. 67 и слѣд.

²⁾ Онъ впоследствии перемѣнилъ свои воззрѣнія, но это не лишаетъ его словъ ихъ типичнаго значенія.

опираться на необходимость, но и этот исходъ у него успѣшно оспаривается наукой и нарождающейся новой жизнью. Но этотъ вопросъ практической осуществимости социализма лежитъ для насъ въ данномъ случаѣ въ сторонѣ, и мы можемъ его не касаться, такъ какъ мы стоимъ передъ вопросомъ оцѣнки, передъ *quid juris*, а не передъ *quid facti*. Для насъ важно констатировать, что индивидуалистическій социальный строй противоположенъ интересамъ развитія цѣнныхъ личностей. Онѣ развиваются только *вопреки* ему.

Любая книжка, трактующая относительно развитія человѣка отъ природнаго состоянія къ культурѣ и объ условіяхъ этого развитія, принимаетъ какъ неоспоримое положеніе, что человѣчество только потому и могло подняться къ культурѣ, что оно сумѣло тѣмъ или инымъ путемъ свалить съ своихъ плечъ часть тѣхъ заботъ о матеріальномъ существованіи, которыя какъ Дамокловъ мечъ всю жизнь тяготѣютъ надъ животнымъ, и урвать себѣ болѣе продолжительную возможность отдаться и другимъ занятіямъ и мыслямъ, чѣмъ простое прислушиваніе къ требованіямъ своего желудка. И дѣло простой послѣдовательности продолжить эту мысль и дальше къ утвержденію, что съ большей обезпеченностью и свободой отъ матеріальныхъ заботъ принципиально является и большая возможность культурной творческой жизни.

Но, вѣдь, масса людей за небольшимъ исключеніемъ лишена теперь этихъ благопріятныхъ условій. Слѣдовательно, прямой выводъ отсюда, что

матеріальна неустойчивость погасила и гасить мірады цѣнныхъ культурно-творческихъ свѣтильниковъ. Только люди съ сильной волей и могучими стремленіями въ состояніи до нѣкоторой степени отвлечься и игнорировать дурныя матеріальныя обстоятельства и отдаться служенію другимъ богамъ; чѣмъ погоня за земнымъ хлѣбомъ. Но это исключительныя натуры, одаренныя или стальной волей, или особымъ стеченіемъ условій, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, а обладаніе талантомъ, творческой силой далеко не всегда сочетается съ сильной волей, и тотъ, въ комъ есть первое, но нѣтъ второго, приносится въ жертву хищнической дѣйствительности, если случай не спасетъ его.

Но защитники индивидуалистическаго хозяйственнаго строя съ торжествомъ и опираются на эти немногіе экземпляры, такъ или иначе уцѣлѣвшіе отъ захлестывающей волны шкурныхъ заботъ. Намъ говорятъ:—человѣческій духъ закаляется и изощряется въ безпощадной борьбѣ съ природой и съ себѣ подобными, изощряется индивидуально, всякъ по своему; что изъ этой клоаки всеобщаго и взаимнаго пожиранія, именуемой свободной конкуренціей, и вырастаютъ тѣ немногія свѣтила науки и искусства, въ то время какъ масса „трудится въ потѣ лица своего“, т. е. съ культурно-творческой точки зрѣнія погибаетъ. Несомнѣнно, какъ мы этого и не отрицали выше, литература и наука любого изъ европейскихъ народовъ даетъ намъ достаточное количество примѣровъ порожденія индивидуальных творческихъ силъ изъ

обстановки современнаго хищническаго строя. Но что это доказываетъ? Это только лишнее подтвержденіе нашей мысли, что культурно-творческія индивидуальности развиваются *вопреки* строю свободной конкуренціи, выплываютъ только единицами, въ то время какъ подавляющая возможная часть ихъ погибаетъ. Всѣ эти единицы либо отбирались изъ того-же привилегированнаго меньшинства, либо только потому и смогли удержаться на поверхности, что онѣ свели свое участіе въ теперешней хаотической борьбѣ за существованіе на минимумъ, что онѣ побѣдили въ себѣ тѣ хищническіе инстинкты, которые такъ заботливо вскармливаетъ и раздражаетъ современнѣй экономическій строй. Онѣ ограничиваются минимумомъ практическаго участія въ этой дикой скачкѣ, чтобы сохранить свое существованіе, чтобы высвободить остальные силы для культурнаго творчества. Такимъ образомъ, онѣ порождаются не этимъ строемъ, а *вопреки* ему, путемъ преодоленія того, что составляетъ двигательную пружину этого строя. Для подавляющей же массы людей этотъ строй создаетъ такую матеріальную необезпеченность, что индивидъ съ первыхъ же шаговъ принужденъ посвятить всѣ свои думы, силы и ловкость матеріальнымъ пріобрѣтеніямъ и поставить на службу хищничеству всѣ остальные способности или задавить ихъ. Нажива у богатыхъ, борьба за существованіе у бѣдныхъ, зависть къ богатымъ у среднихъ закабаляютъ человѣка въ наше время и съуживаютъ до крайности отборъ творческихъ силъ.

„Гдѣ прогрессъ, тамъ неизбежно имѣется отборъ“, говоритъ Киддъ ¹⁾. И интересами прогресса и оправдываютъ строй свободной конкуренціи, полагая, что свободная, — а по нашему слѣпо-произвольная, — игра силъ приведетъ къ естественному отбору цѣнныхъ индивидовъ. Чтобы бросить нѣкоторый свѣтъ на результаты, къ которымъ привелъ индивидуалистическій экономическій строй, мы должны ясно расчленивъ вопросъ о прогрессѣ на двѣ части, а именно: на вопросъ о физическомъ прогрессѣ и вопросъ о духовномъ, культурномъ прогрессѣ. Если мы говоримъ о физическихъ свойствахъ человѣка, а они для культурной, цѣнной личности далеко не безразличны, потому что она можетъ найти удовлетвореніе только въ гармоніи и красотѣ духа и тѣла, — то результаты „отбора“ получаются несомнѣнно самыя жалкіе, потому что у нихъ фатальные симптомы физическаго вырожденія, и это едва-ли даже требуетъ доказательства. И много результата ожидать нельзя, потому что нашъ экономическій строй, съ одной стороны, неминуемо калѣчитъ людей и вытравляетъ изъ нихъ всѣ жизненные соки, съ другой, — образуетъ небольшую группу людей, которая представляетъ продуктъ пресыщенности и одинаковый, если еще не большій, регрессъ, чѣмъ первая часть. Человѣчество создало необъятно сложную сѣть мѣръ и условій, которыя нерѣдко губятъ сильныхъ и со-

¹⁾ Die sociale Evolution“. въ нѣмецк. переводѣ Pfeidegger'a 1895 стр. 33.

храняють слабыхъ. Если мы говоримъ о духовныхъ творческихъ силахъ человѣка, то на этотъ вопросъ мы уже отвѣтили, что 1) развитіе культурно-творческихъ личностей идетъ *вопреки* буржуазному строю, а во 2)—это развитіе далеко не даетъ того, что оно могло бы дать, потому что нашъ строй превращаетъ десятки милліоновъ людей въ безформенныя массы физическихъ и духовныхъ обломковъ, такъ что отборъ то производится изъ сравнительно небольшой группы привилегированныхъ—рожденіемъ или положеніемъ, это безразлично—людей. „Право на высшее образованіе и воспитаніе“, говорить, на прим., Киддъ, ¹⁾ „зависитъ въ наше время едва ли отъ чего-либо иного, какъ только отъ состоянія и богатства; фактически оно составляетъ одну изъ самыхъ исключительныхъ и въ то же время вліятельнѣйшихъ привилегій послѣдняго“. И вотъ именно изъ этого привилегированнаго узкаго кружка и совершается за незначительными исключеніями отборъ культурныхъ силъ. Но эта привилегированность не даетъ намъ ни на іоту гарантіи за то, что въ данную группу вошла хотя бы значительная часть того, что есть лучшаго въ человѣчествѣ. *Для экономнаго и полнаго отбора природа должна поступить подъ контроль культуры.*

¹⁾ Тамъ же стр. 216.

V.

Коллективизмъ съ точки зрѣнія интересовъ цѣнной личности.

„Государственный строй, основанный на возможно болыпей человеческой свободѣ согласно законамъ, благодаря которымъ свобода каждаго можетъ существовать съ свободою всѣхъ остальныхъ... есть во всякомъ случаѣ необходимая идея“.

Кантъ. 1)

Переходя теперь къ социализму мы должны примѣнить и къ нему тотъ же критерій оцѣнки, потому что только положительное отношеніе къ этому принципу можетъ освѣтить это широкое общественное теченіе, обосновать его какъ нѣчто *должное*. Мы, такимъ образомъ, стоимъ теперь передъ вопросомъ, какое значеніе имѣетъ социализмъ для развитія индивидуальных, культурно-творческихъ, т. е. цѣнныхъ личностей? При этомъ подъ социализмомъ мы будемъ понимать коллективизмъ, т. е. хозяйственный порядокъ, построенный на принципѣ отрицанія частной собственности на средства производства и обобществленія ихъ на чисто демократической основѣ. 2) Для болышей

1) „Критика чистаго разума“ перев. Лоссаго, стр. 211.

2) Мы беремъ это опредѣленіе какъ самое общее, оставляя въ сторонѣ практической вопросъ о томъ, кто будетъ коллективнымъ хозяиномъ, общество, государство, федерація или все человѣчество.

См. Зомбартъ „Der Socialismus“ на нѣмецк. яз. 5 изд. стр. 56.

ясности мы беремъ на себя смѣлость придать термину социализмъ нѣсколько болѣе широкое значеніе, называя имъ общее міровоззрѣніе, такъ какъ подъ нимъ мы должны понимать, какъ мы это пытались показать, не только опредѣленный экономическій порядокъ, который мы можемъ назвать коллективизмомъ, но и его конечныя цѣли и его принципы, которые выходятъ за предѣлы или не укладываются въ узкую рамку только экономическихъ понятій. Коллективизмъ, такимъ образомъ, будетъ для насъ называться *средство*, социализмъ, кромѣ того, и *цѣль*.

„Гдѣ прогрессъ, тамъ неизбежно есть отборъ, а отборъ долженъ въ свою очередь заключать въ себѣ какую-нибудь конкуренцію“, говоритъ Киддъ ¹⁾. Вотъ эта-то конкуренція, которую индивидуалистическій экономическій строй даетъ во взаимной борьбѣ людей за матеріальную обеспеченность, ставится въ социализмѣ прежде всего подъ сомнѣніе. И если бы это было такъ, то социализмъ благодаря коллективному хозяйству потерялъ бы основу всякаго прогресса и вмѣстѣ съ ней всю цѣну для цѣнной личности. Стремясь къ социализму, мы этимъ по словамъ противниковъ социализма ставимъ своей задачей избавленіе человѣка отъ *всякихъ* матеріальныхъ заботъ, а такъ какъ, говорятъ противники социализма, эти заботы являются побудительными факторами для энергіи и жизнедѣятельности человѣка, то мы, избавляя его отъ матеріальныхъ

¹⁾ Kidd „Sociale Evolution“ стр. 33.

заботъ, въ корнѣ подрываемъ такимъ путемъ основную двигательную пружину человѣческой энергіи и жизнедѣятельности.

Прежде всего не вѣрно то, что социализмъ уничтожаетъ основной двигатель жизнедѣятельности. Социализмъ, хотя онъ по своей философской недоговоренности и несформированности и не говоритъ этого, не рассчитываетъ добиться *полнаго* уничтоженія матеріальныхъ заботъ, такъ какъ въ своей *конечной* цѣли онъ представляетъ *идеаль, норму* нашей социальной и политической дѣятельности. Это конечно ничуть не лишаетъ социализмъ цѣнности, потому что „хотя совершенный строй никогда не будетъ осуществленъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ считать правильной идею, которая выставляетъ этотъ максимумъ въ качествѣ образца, чтобы, руководясь имъ, постепенно приближать законодательство къ возможно большому совершенству“ ¹⁾. Во вторыхъ,—и это самое важное,—матеріальныя заботы въ немъ не исчезнутъ, а примутъ только иную форму, ту форму, которая менѣе давитъ личность, высвобождаетъ ея духовныя силы и въ другую сторону. Колоссальная разница въ этихъ двухъ порядкахъ заключается въ томъ, что заботы о пропитаніи будутъ лишены ихъ „индивидуализма“, т. е. въ данномъ случаѣ ихъ *хищническаго* характера и получаютъ гармоничную, облагороженную форму заботъ объ общемъ благѣ. Не

¹⁾ Кантъ „Критика чистаго разума“, пер. Лосскаго, стр. 211.

слѣдуетъ возводить въ вѣчный и непреложный законъ того, что создалось этимъ хозяйственнымъ строемъ и слѣдовательно должно исчезнуть вмѣстѣ съ нимъ. „Ничто не можетъ быть болѣе вреднымъ,“ говоритъ Кантъ, ²⁾ „и менѣе достойнымъ философа, чѣмъ свойственныя черни ссылки на мнимо противорѣчащій опытъ, котораго въ дѣйствительности вовсе не было бы, если-бы учрежденія были созданы въ свое время согласно идеямъ“.

Въ самомъ дѣлѣ. Въ наше время частная собственность является источникомъ дѣятельности и „культурнаго прогресса“, утверждаютъ противники социализма. Но, вѣдь, и при нашихъ условіяхъ воспитаніе и обстановка пріучили въ нѣкоторыхъ общественныхъ интересахъ усматривать и свое благо и часто жертвовать для него всѣмъ. Возьмемъ въ примѣръ войны, гдѣ солдаты, подчиняясь только привоспитанному понятію долга, жертвуютъ своею жизнью тамъ, гдѣ ихъ личные интересы какъ таковыя затронуты слишкомъ мало, а то и вовсе остаются въ сторонѣ. Еще болѣе яркій примѣръ даютъ революціонеры разныхъ эпохъ. Тутъ фигурируетъ абстрактное общее благо. Въ социализмѣ же будетъ фигурировать конкретное общее благо, которое будетъ имѣть прямое отношеніе къ повседневной жизни индивида и, одухотворяя общностью интересовъ, примѣсю альтруистическаго чувства его работу, лишитъ ее ея корыстолюбиваго характера, закла-

²⁾ Тамъ же.

дывая уже въ самомъ матеріальномъ стремленіи вмѣстѣ съ тѣмъ фундаментъ къ культивированію цѣнныхъ личностей. Тотъ самый социальный инстинктъ, который теперь еле-еле въ состояніи дотянуть людей до первой кости, при коллективистическомъ строѣ долженъ стать необходимо дѣйствительнымъ социальнымъ факторомъ, потому что у пламени хищническаго, животнаго инстинкта самосохраненія будетъ отнято масло, разжигающее его въ цѣлый пожаръ, — пожаръ, который угрожаетъ спалить культуру духа. И какъ воспитательный факторъ эта переменна личнаго характера заботъ на общественный должна оказаться могучимъ рычагомъ въ дѣлѣ возвращенія культурно плодотворныхъ социальныхъ цѣнныхъ личностей, не нарушая въ то-же время ихъ индивидуальнаго характера.

То-же самое гипостазированіе фактовъ въ непреложный законъ приходится отчасти видѣть и въ утвержденіи Кидда ¹⁾, что „интересы социального организма и его индивидовъ стоятъ всегда (?) другъ противъ друга какъ злѣйшіе враги“. Это утвержденіе и то не въ столь безграничной формѣ, какъ у Кидда, нужно разсматривать какъ слѣдствіе, которое необходимо вытекаетъ изъ сущности хищническаго строя индивидуалистическаго хозяйства и „свободной“ конкуренціи. Каждый подъ страхомъ гибели принужденъ тащить въ свою нору, и то, что уносить одинъ, хотя бы только изъ жадности, теряютъ

¹⁾ Стр. 73.

всѣ остальные, межъ тѣмъ какъ общая сокровищница не только не является общою цѣлью, но и нерѣдко становится предметомъ тѣхъ же ненасытныхъ желаній перетащить все въ свое логовище. Иначе должно обстоять дѣло, если черезъ это общее будутъ удовлетворяться непосредственно насущные интересы: этимъ, на нашъ взглядъ, между индивидуальными и социальными интересами вражда, о которой говоритъ Киддъ, была бы не только ослаблена, но между ними могла-бы установиться органическая связь.

Въ этой связи небезъинтересно коснуться въ нѣсколькихъ словахъ стараго, но тѣмъ не менѣе очень поучительнаго факта: въ наше время мы на каждомъ шагѣ сталкиваемся въ ученыхъ кругахъ съ меланхолическими вздохами по чудному античному времени, которое въ среднемъ по интенсивности интеллектуальной, эстетической и пр жизни ставится неизмѣримо выше нашего времени. Едва-ли кто-либо, въ достаточной степени знакомый съ дошедшими до насъ памятниками античной культуры, станетъ отрицать классическую красоту и величiе того міра въ его квинтэссенціи. Но въ только что упомянутомъ выводѣ кроется *глубоко трагическая* мысль ¹⁾, что мы не ушли впередъ, а отстали. Хуже: мы перешагнули кульминаціонное напряженіе размаха человѣческихъ силъ

¹⁾ Интересно, что Гегель принадлежитъ къ числу этихъ людей, не смотря на то, что не греческій, а германскій міръ продиктованъ абсолютнымъ знаніемъ какъ высшая, завершительная эпоха въ развитіи объективнаго, а вмѣстѣ съ нимъ и абсолютнаго духа.

и идемъ... куда? Во всякомъ случаѣ къ обнищанію культуры, которая явится прямымъ слѣдствіемъ уменьшенія интенсивности культурно-творческихъ силъ человѣка. Но это не такъ, и обожаніе античнаго міра не должно насъ вводить въ заблужденіе относительно жизненнаго для цѣнной личности убѣжденія, что мы идемъ впередъ, а не назадъ. Интенсивность и размахъ античнаго творчества—въ широкомъ смыслѣ слова—проявились не у скифовъ, не у рабовъ, а у рабовладельцевъ, какими были греки. И чѣмъ больше мы вдумываемся въ жизнь грека, тѣмъ болѣе мы приходимъ къ заключенію, что расцвѣтъ научной и эстетической жизни былъ-бы рѣшительно не мыслимъ, если бы рабы не снимали съ плечъ грека крупной части гнета матеріальныхъ интересовъ, тѣмъ болѣе, что тогда жизнь еще не успѣла выростить подобныхъ современнымъ чудовищныхъ, хищническихъ аппетитовъ. Такимъ образомъ мы совершаемъ крупную ошибку, сравнивая средняго человѣка нашего времени съ среднимъ человѣкомъ греческаго міра. Для вѣрнаго сравненія надо взять всю аѳинскую массу, массу рабовъ и невольниковъ всяческаго рода; тогда, думается намъ, картина измѣнится, хотя мы не такъ далеко ушли въ массѣ отъ того времени, какъ это можетъ показаться оптимисту. Намъ остается къ этому только добавить, что вообще эти сравненія далеко не плодотворны: разныя времена—разныя требованія и интеллекта не измѣришь. Но на одинъ выводъ отсюда у насъ есть право, это,—что уничтоженіе гнета матеріаль-

ныхъ заботъ дѣйствительно даетъ человѣку возможность затратить свои силы на культурное творчество и расширяетъ значительно область отбора культурно-творческихъ личностей. Этому расширенію отбора и служить коллективное хозяйство социализма.

Но, отвѣтить намъ, для отбора нужна конкуренція, соревнованіе. Намъ нѣтъ нужды отрицать этого условія прогресса. Пусть этотъ біологическій законъ остается въ полной силѣ, и мы спрашиваемъ себя, гдѣ это условіе въ социализмѣ? Но мы уже раньше указывали на то, что въ сущности социализмъ въ коллективизмѣ видитъ средство не къ уничтоженію *всякой* борьбы за существованіе, а только къ перенесенію ея изъ сферы, вредно дѣйствующей на развитіе самыхъ дорогихъ силъ человѣка, въ сферу общихъ интересовъ, коллективной борьбы, которая должна дать возможность высвободить культурно-творческія силы человѣка. Такимъ образомъ, борьба за существованіе остается, но принимаетъ достойную личности форму: біологическій законъ не нарушается, а человѣкъ только благодаря своему все развивающемуся интеллекту научается комбинировать его разрозненныя проявленія, добывая себѣ такимъ путемъ свободу не уничтоженіемъ его проявленій, а путемъ *разумнаго* удовлетворенія вытекающихъ изъ него требованій.

Во вторыхъ, прогрессъ намъ, главнымъ образомъ, важенъ въ сферѣ культурно-творческой дѣятельности, къ которой мы, конечно, не можемъ причислить хищническую изощренность.

Въ эту область и должна будетъ перейти, главнымъ образомъ, борьба, соревнованіе и конкуренція, но это уже будетъ борьба за существованіе идей, культурныхъ цѣнностей и благъ. Благодаря коллективной матеріальной борьбѣ индивиду открывається полная свобода и возможность конкурировать въ сферѣ чистой культуры на *дѣйствительно* равныхъ условіяхъ. И если намъ станутъ возражать, что только матеріальные интересы въ состояніи двигать тяжелую современную машину, то мы еще разъ укажемъ на присутствіе матеріальныхъ интересовъ, хотя и въ коллективной формѣ, въ социализмѣ, а самое главное, — признаютъ-ли противники социализма, что всѣ ученые, литературные, политическіе и истинно культурные дѣятели нашего и другихъ временъ искали и творили только изъ-за погони за матеріальными благами? Конечно нѣтъ. И больше всего потому, что это значило-бы совершенно не понимать человѣческаго духа, слишкомъ низко цѣнить даже самое лучшее въ немъ.

Такимъ образомъ равенство нужно какъ необходимое условіе широты и неподдѣльности отбора. Паульсенъ въ своей системѣ этики ¹⁾ подчеркиваетъ, что дѣло вовсе не въ томъ, чтобы ввести равенство, а въ томъ, чтобы открыть всѣмъ болѣе одареннымъ природой путь къ высшимъ и руководящимъ мѣстамъ въ обществѣ и предоставить имъ и всѣ внѣшнія необходимыя условія для ихъ развитія. Но уже самое „или

¹⁾ т. II (нѣмецк. изд.) стр. 425 и сл.

то,—или другое“ въ данномъ случаѣ недопустимо. Теперь въ сущности благодаря именно социальному неравенству болѣе одаренными въ громадномъ большинствѣ оказываются тѣ, кто обладаетъ лучшими экономическими или общественными—по своему положенію—условіями. Въ самомъ лучшемъ случаѣ имя и званіе оказываютъ нѣкоторый гипнозъ и кладутъ свою тяжелую руку на ту чашку вѣсовъ, на которой лежитъ дарованіе привилегированнаго. Но, вѣдь, и Паульсену, какъ и всѣмъ глубоко заинтересованнымъ въ культурѣ важно не общественное неравенство, а цѣнныя личности и творческое многообразіе; важно, чтобы уравненіе *не понизило* культурнаго уровня.

Центръ тяжести такимъ образомъ лежитъ въ духѣ, въ умственномъ, интеллектуальномъ, лично творческомъ неравенствѣ. А для послѣдняго общественное и социальное равенство есть только бѣлый фонъ, на которомъ каждый цвѣтъ будетъ еще рѣзче выдѣляться въ своей индивидуальности. Равенство социальное вовсе не обозначаетъ, что люди всѣ должны быть подведены подъ одинъ уровень. Это справедливо только относительно объективныхъ условій, чтобы вызвать тѣмъ большее многообразіе субъектовъ. Какъ противоположныя электричества притягиваются другъ къ другу, такъ и индивидуализмъ въ смыслѣ развитія культурно-творческихъ индивидуальностей не исключается коллективизмомъ въ хозяйствѣ, но наоборотъ,—максимальная возможность индивидуализаціи является его пря-

мымъ слѣдствіемъ, во-первыхъ, потому, что этимъ путемъ социализмъ повыситъ общій уровень массы, а во-вторыхъ, отборъ замѣтныхъ, творческихъ индивидуальностей долженъ будетъ естественно совершаться изъ большей массы людей, т. е. шансы обогащенія культурнаго творчества колоссально увеличиваются. Социализмъ, конечно, не уничтожитъ стремленія къ обезпеченію себя и своихъ, но онъ, придавъ ему изъ рѣзко эгоистической общественной формы, поставитъ ему такія границы, которыя сведутъ возможность развитія этого *антикультурнаго* инстинкта за счетъ другихъ способностей человѣка на минимумъ. Социализмъ хочетъ сравнять, „подстричь подъ одну гребенку“ только мощь этого инстинкта и его проявленій, чтобы дать тѣмъ большую свободу развитію культурно-творческихъ силъ личности.

Слѣпая безграничная вѣра въ силу природнаго отбора должна исчезнуть и уступить свое мѣсто искусственному комбинированію разнообразныхъ условій жизни человѣка. Этимъ путемъ социализмъ съ полнымъ правомъ можетъ рассчитывать добиться какъ въ физическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи несравненно большаго, чѣмъ можетъ дать слѣпой, расточительный и безпощадно жестокой ходъ естественнаго, некультурнаго отбора. Человѣкъ и тутъ долженъ опознать себя и понять, что его дѣло внести въ беспорядочную расправу природы смыслъ и цѣлесообразность.

Хозяйственное равенство, однообразіе для духовнаго многообразія, хозяйственный коллекти-

визмъ для личнаго индивидуализма—таковъ лозунгъ социализма и инымъ онъ быть не можетъ, не теряя всякаго значенія для культурной личности.

Наша оцѣнка социалистическаго средства—коллективизма требуетъ того, чтобы мы въ нѣсколькихъ словахъ коснулись и сѣтованій на то, что современное техническое производство отняло у рабочаго возможность сознавать, что онъ создаетъ что-то цѣлое, любить это цѣлое, вкладывать въ него свою идею. Если современная техника даетъ такіе результаты, то, говорятъ намъ, постоянно совершенствующаяся техника будущаго, а значить и социализма, можетъ создать своего рода профессиональныя уродливости. Все это такъ и въ то-же время не такъ. Намъ представляется, что прежній мастеръ со своимъ самостоятельнымъ производствомъ былъ уже не такъ близокъ къ тѣмъ нѣсколько сентиментальнымъ идеямъ о красотѣ, оригинальности своего продукта, которыя ему приписываютъ современные хозяйственные индивидуалисты. Если мы сравнимъ работу прежняго мастера съ работой современной фабрики, то мы увидимъ, что между ними колоссальная ранница простого и сложнаго. На наивную психологію прежняго мастера современная фабрика произвела бы не однообразно скучное, а грандіозно-потрясающее впечатлѣніе. Отдавая предпочтеніе прежнему мастеру съ его цѣльнымъ продуктомъ, защитники забываютъ одно, что у рабочаго есть уши, глаза, умъ; что онъ видитъ и слышитъ, что совершается вокругъ него; что онъ со

своимъ жалкимъ, частичнымъ трудомъ находится въ фабрикахъ съ самымъ сложнымъ устройствомъ, видитъ и другіе частичные продукты, видитъ часто и ихъ цѣлое, видитъ машины, однимъ словомъ стоитъ въ самой тѣсной связи со всей техникой своей фабрики. Эта совмѣстность не можетъ остаться безслѣдной для рабочаго. Фабричные рабочіе духовно *и стоятъ* несравненно выше земледѣльцевъ даже тамъ, гдѣ и первые живутъ въ селахъ. Такимъ образомъ, рѣчь могла бы идти о физическомъ уродованіи, но тутъ-то именно и лежитъ главное основаніе того, почему современный хозяйственный строй долженъ въ самой своей основѣ считаться отжившимъ и антикультурнымъ. Этотъ строй взваливаетъ на плечи работника непосильную работу, онъ закабаляетъ все его время, не оставляя ни минуты лишней для другихъ занятій. Отсюда и роковыя послѣдствія для тѣла и духа. И только социализмъ можетъ помочь этому кардинальному злу. Такимъ образомъ главное основаніе зла, сквернаго дѣйствія современной специализированной усовершенствованной техникой работы на личность заключается не столько въ самой технике, сколько въ варварскомъ, хищническомъ использованіи силъ рабочаго.

Такимъ образомъ общій выводъ изъ нашей поштыки оцѣнки социализма, правильнѣе въ данномъ случаѣ—коллективизма съ точки зрѣнія интересовъ развитія культурно-творческихъ индивидуальностей таковъ, что коллективизмъ въ хозяйствѣ является самой благопріятной средой для роста цѣнныхъ личностей.

Мы должны теперь посвятить нѣсколько словъ вопросу о томъ, не рискуеть-ли социализмъ въ своей погонѣ за полнымъ расцвѣтомъ культурно-творческихъ силъ индивидуальной цѣнной личности во всемъ количественномъ и качественномъ многообразіи, которое только позволяеть развернуть дѣйствительность,—не рискуеть-ли онъ въ такомъ случаѣ впасть въ крайній индивидуализмъ, разорвать культуру на атомы, въ то время какъ культура по самой своей сущности есть цѣнность-совокупность, т. е. цѣлое незамѣнимыхъ, своеобразныхъ, но тѣсно связанныхъ другъ съ другомъ цѣнностей?

Мы уже намѣтили въ предъидущихъ страницахъ то направленіе, въ которомъ мы видимъ вѣрное разрѣшеніе этой проблемы. Какъ на достаточный противовѣсъ опасности впасть въ крайній индивидуализмъ, который порываетъ всѣ социальныя нити, можно указать на ту-же сферу культурныхъ цѣнностей и ихъ творчества,—*общаго* богатства индивидовъ,—цементъ, который ихъ скрѣпляетъ крѣпче всякихъ принудительныхъ связей. Культурныя цѣнности, кѣмъ бы онѣ не создавались, составляютъ *общее* благо. Личность заинтересована въ ихъ возможно большемъ многообразіи и своеобразіи. Какъ уже было замѣчено, въ этой области соперничества и борьбы мы встрѣчаемся съ совершенно обратнымъ явленіемъ, чѣмъ то, съ которымъ мы сталкиваемся въ сферѣ современной экономики. Созданіе новой оригинальной культурной цѣнности обозначаетъ въ одинаковой степени обогащеніе или во всякомъ

случаѣ принципиальную возможность обогащенія какъ сознанія творца ея, такъ и всякой другой личности, приобщенной къ культурному развитію. Болѣе того,—чѣмъ индивидуальнѣе и своеобразнѣе продуктъ творчества отдѣльной личности, этого въ данномъ случаѣ тоже собственника, тѣмъ богаче каждый индивидъ, который состоитъ или будетъ состоять членомъ культурнаго сообщества. И только современный хищнической строй сѣумѣлъ и сюда внести ту-же самодовольную обособленность загнанности или привилегированности, въ которой такъ душно истинной культурѣ, которая рвется на просторъ и даже теперь часто прорываетъ тѣ капиталистическія стѣны, которыми ее отгородили отъ такъ называемой массы. Всякій новый продуктъ культурнаго творчества при *нормальныхъ* условіяхъ представляетъ новое благо для каждой культурной личности, потому что онъ обогащаетъ его сознаніе. Въ этомъ залогъ того, что социализмъ на этомъ пути далеко отъ опасности атомизированія человѣчества. Потому что этотъ цѣнный индивидуализмъ базируется на твердой основѣ двухъ могучихъ факторовъ: съ одной стороны, общность матеріальныхъ интересовъ гарантируетъ ростъ социальнаго инстинкта и создаетъ богатую возможность культурнаго творчества, съ другой,—индивидуальность въ творествѣ и его продуктахъ протягиваетъ посредствомъ гармоніи, общей связи цѣнностей безчисленныя нити общенія и связи между индивидами.

И если въ наше время „удѣломъ величія слу-

жить одиночество“, то это въ значительной степени объясняется тѣмъ, что современный строй даетъ полный просторъ конкуренціи только въ промышленной сферѣ, а въ остальномъ,—этикѣ, религіи, въ т. н. общественномъ мнѣніи налагаютъ на все печать опредѣленнаго кодекса и вѣсками вскармливаетъ упорный консерватизмъ, который прививается каждому изъ насъ съ дѣтства. Въ борьбѣ новаго съ старымъ послѣднему почти всегда отдаются на помощь всѣ руководящія силы буржуазнаго строя. И въ результатѣ дѣйствительное „величіе“ только черезъ горнило „одиночества“ чуть не вѣсками, еле-еле пробивается къ всеобщему признанію. Одна изъ самыхъ существенныхъ цѣлей будущаго и должна заключаться въ созданіи такого *modus'a vivendi*, который гарантировалъ бы по возможности безболѣзненный переходъ отъ стараго, отжившаго къ новому назрѣвшему. Тогда и лучи геніальности будутъ просвѣчивать черезъ всю толщу культурной массы и будутъ озарять своевременно не только „величіе“, но и всю объективную культуру въ ея неразрывномъ цѣломъ. Такимъ образомъ, цѣнныя личности и продукты ихъ творчества образуютъ своеобразную систему, которая представляетъ дѣйствительное царство свободы.

Но царство свободы должно быть рѣзко разграничено съ царствомъ произвола. Между свободой и произволомъ колоссальная разница, которая часто остается незамѣченной и ведетъ нерѣдко къ нелѣпымъ заключеніямъ. Эта разница въ достаточной мѣрѣ намѣчается указаніемъ, что

свобода не только не чужда необходимости, но и предполагает ее как свой элементъ въ видѣ *разумной*—въ широкомъ смыслѣ—необходимости. Свобода тамъ, гдѣ она дѣйствительно проявляется, исключаетъ всякую возможность немотивированныхъ бессознательныхъ поступковъ и въ этомъ заключается та пропасть, которая отдѣляетъ свободу отъ произвола. Такимъ образомъ, въ свободѣ всегда кроется извѣстная доля элемента принужденія. Это то смѣшеніе и объясняетъ отчасти то обстоятельство, что социализму бросаютъ упрекъ въ порабощеніи человѣка. Какъ мы попытаемся показать позже, этотъ упрекъ съ большимъ правомъ можетъ быть обращенъ противъ иной стороны современной социалистической теоріи. На коллективное же хозяйство этотъ упрекъ на нашъ взглядъ падаетъ несправедливо. Социализмъ стремится избавиться отъ произвола въ его основной формѣ въ области экономики и потому онъ съ такимъ пламеннымъ негодованіемъ борется противъ капитализма,—онъ жаждетъ дать личности свободу и потому ему нечего бояться ограниченія человѣка тамъ, гдѣ это ограниченіе диктуется справедливостью и разумомъ, т. е. гдѣ можно за минимумъ ограниченія въ служебной отрасли добиться свободы въ другихъ самодеятельныхъ областяхъ человѣческаго творческаго духа,

Этотъ упрекъ социализму объясняется еще и тѣмъ, что ему навязывается идея *практическаго* осуществленія *абсолютной* свободы и полного отсутствія какого бы то ни было принужденія. По-

мимо уже указаннаго недоразумѣнія съ понятіемъ свободы противники социализма навязываютъ ему идею, которая не можетъ входить въ програму его практическихъ цѣлей въ такомъ неограниченномъ видѣ. Поддерживающій эти упреки, хотя и съ особой точки зрѣнія, Бердяевъ говоритъ въ своей книгѣ „Новое религиозное сознание и общественность“ стр. 93, что социализмъ будетъ основанъ „на принудительной организованности“. „Социалистическое государство будетъ основано на совершенномъ и окончательномъ народовластіи, на абсолютно неограниченномъ характерѣ коллективной общественной воли“¹⁾). Если бы это было такъ, то это означало бы полную гибель цѣнной личности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самого социализма, къ которому долженъ быть примѣненъ тотъ же необходимый критерій культурно-творческихъ интересовъ цѣнной личности. Все это принимаетъ иной оттѣнокъ, если мы припомнимъ слѣдующее: тѣ же аргументы могутъ побудить насъ, если признать ихъ силу, считать и нравственнаго человѣка рабомъ, потому что никто не можетъ намъ помѣшать и къ его волѣ приложить тѣ же эпитеты „неограниченная“, „абсолютная“, такъ какъ этика категорическаго императива, наприм., подчиняетъ человѣка въ абсолютной формѣ нормамъ. Говорить о неограниченномъ господствѣ массы надъ самой собой какъ о рабствѣ рисковано потому, что массы

¹⁾ Стр. 94.

какъ массы нѣтъ, а она составляется изъ тѣхъ же „я“, которыя и проявляютъ въ ней свою коллективную волю. Но центръ тяжести мы должны перенести въ другой аргументъ. Къ социализму нельзя прилагать только абсолютную мѣру, оцѣнку, а вмѣстѣ съ нею и выборъ необходимо направить на сопоставленіе въ данномъ случаѣ двухъ объектовъ сравненія: современнаго строя и строя социалистическаго. Въ нашемъ эмпирическомъ мірѣ дѣло идетъ не о прямомъ осуществленіи идеала, нормы, чѣмъ долженъ представляться социализмъ въ своихъ конечныхъ цѣляхъ, какъ мы ихъ понимаемъ, а только о степени соответствія ей.—мы сказали-бы: о степени приближенія къ идеалу, если бы это слово не вносило нѣкотораго невѣрнаго оттѣнка. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ передъ лицомъ судилища на основѣ интересовъ цѣнной личности выступаютъ два строя: современный хищнический строй, который свелъ подъ видомъ экономической свободы личность и ея духовныя силы къ рабству, отдавъ все въ человѣкъ на служеніе и растерзаніе мамонѣ, и, съ другой стороны, строй будущаго, который подчиняетъ необходимости и „абсолютной“ коллективной волѣ *служебную* область экономики и связанныхъ тѣсно съ нею отраслей, чтобы дать *тѣмъ большій* просторъ и свободу личности во всей остальной ея самодовлѣющей жизни. И интересы цѣнной личности требуютъ повелительно втораго строя.

Такимъ образомъ, на вопросъ о томъ, будетъ-ли въ социализмѣ существовать принудительный

элементъ, мы можемъ отвѣтить вполнѣ утвердительно. Соціализмъ не анархизмъ, съ которымъ его смѣшиваютъ какъ противники, такъ и черезчуръ горячіе сторонники. Съ нашей точки зрѣнія мы можемъ смѣло предположить, что социалистическій строй требуетъ строго проведенной, сильной власти вмѣстѣ съ строгой, прямо военной дисциплиной. Мы беремъ худшій случай, который только мыслимо предположить въ данномъ случаѣ. И тѣмъ не менѣе основная мысль о взаимной обусловленности коллективнаго хозяйства и личнаго индивидуализма остается въ полной силѣ.

Въ самомъ дѣлѣ. Противники социализма, какъ уже было сказано, мѣряютъ его масштабомъ, который можетъ быть примѣненъ только къ утопіи, обещающей земной рай чистѣйшей воды, т. е. они сравниваютъ социализмъ въ узкомъ смыслѣ съ *абсолютнымъ* идеаломъ, подлежащимъ проведенію въ дѣйствительность. Правда, социалистическая ортодоксія подала къ этому нѣкоторый поводъ, но современный социализмъ становится и долженъ встать на болѣе здоровую трезвую почву. Въ дѣйствительности социализмъ нужно мѣрить въ данномъ случаѣ не степенью осуществленія *абсолютнаго* идеала, потому что социализмъ какъ практическая цѣль въ *узкомъ* смыслѣ, какъ экономической строй не можетъ обозначать собой заключительнаго, конечнаго слова исторіи и человѣческаго развитія, а его мы должны на основѣ нашего критерія интересовъ цѣнной личности сопоставить съ его прямымъ противникомъ, буржу-

азнымъ строемъ, т. е. мы должны ихъ разсматривать въ ихъ отношеніи къ соціальной нормѣ.

Предположимъ теперь худшій случай, что социализмъ введетъ желѣзную дисциплину въ своей промышленной арміи. Прямымъ слѣдствіемъ этого факта будетъ неоспоримо значительное пониженіе обязательнаго рабочаго времени. Уже одно колоссальное количество безработныхъ на низахъ и верхахъ человѣчества даетъ право рассчитывать на значительное пониженіе обязательнаго рабочаго дня. Всѣ люди тогда станутъ въ ряды рабочей арміи и должны будутъ подчиниться строгой, военной дисциплинѣ, но такъ какъ господство промышленной арміи распространяется только на вещи и только отсюда въ необходимой строго ограниченной мѣрѣ на силы личности, то и это строгое подчиненіе можетъ распространяться только на обязательное рабочее время, которое оставляетъ взамѣнъ этого достаточную часть дня свободной для потребностей личности. За извѣстное число часовъ строгаго подчиненія разумной необходимости организаціи,—эта разумная необходимость даетъ намъ право назвать это подчиненіе свободнымъ,—личность покупаетъ себѣ полную свободу. Уже одно избавленіе отъ сплошнаго пискаринаго испуга, боязни грядущаго дня, голода, необезпеченности, боязни передъ властью имущими, передъ всей капризной сумятицей современной экономической жизни, вообще—передъ „завтрашнимъ днемъ“,—одно это чувство твердой почвы подъ ногами должно испустить всякое под-

чиненіе, свалить гору съ плечъ личности и дать ей возможность вздохнуть полной грудью.

Самая забота о матеріальныхъ благахъ, одѣтая въ коллективную форму, никогда не можетъ угнетать всего существа личности, какъ это наблюдается въ современной обстановкѣ. Подтвержденіемъ этой мысли можетъ служить дѣятельность политическихъ работниковъ, которые, ратуя за общее благо и въ немъ за свое собственное, почти никогда не повергаются въ такое отчаяніе или въ такое душевное смятеніе, если ихъ дѣло не удастся, какъ это бываетъ почти всегда съ тѣми-же льдями въ ихъ частной жизни, когда дѣло касается только одного даннаго лица. Подчиненіе хотя-бы и желѣзной дисциплинѣ на короткое время и въ строго опредѣленной сферѣ становится микроскопическимъ необходимымъ зломъ въ сравненіи съ гнетомъ современной матеріальной неувѣренности. Страшная гидра матеріальной бѣды, даже простой матеріальной неустойчивости, которая теперь поглощаетъ милліоны интеллектовъ, думъ и вздоховъ, которая какъ Медуза своими ужасными глазами приковала всѣ помыслы подавляющаго большинства человѣчества, тогда будетъ хоть на время смыкать свои теперь всегда недремлющія очи, и прекратится тотъ проклятый кошмаръ, который душитъ человѣка цѣлый вѣкъ, пока его не освободитъ могила, т. е. смерть всего того, что могло бы имѣть при иныхъ условіяхъ отъ данной личности человѣчество. Большинство теперь, сходя въ могилу, должно себѣ сказать какъ Щедринскій

Крутицынъ: ¹⁾ „и я принесъ свою долю вреда“. Соціализмъ-же гарантируетъ намъ, что тѣ, кто этого захочетъ, смогутъ создать изъ своей жизни цѣльный и цѣнный продуктъ.

Такимъ образомъ, соціализмъ не только налаживаетъ на человѣка обязанности, онъ даетъ ему крупныя права. Но личность не только будетъ пользоваться правами, у ней будутъ и обязанности. И среди этихъ обязанностей самое почетное мѣсто должно быть отведено обязанности по отношенію къ человѣческому „я“, цѣнной личности. Ради *нея* нуженъ соціализмъ, ради *нея* онъ стремится къ свободѣ, равенству и братству; *равенство* нужно въ объективныхъ условіяхъ, *свобода*, — для человѣческихъ „субъективныхъ“ проявленій личности, и тогда въ качествѣ необходимаго слѣдствія ихъ явится расцвѣтъ цѣнныхъ личностей и ихъ *братство* въ культурныхъ цѣнностяхъ.

VI.

Идея цѣнной личности и діалектической методъ.

Если примѣненіе по отношенію къ коллективизму критерія интересовъ культурно-творческихъ личностей и самое признаніе цѣнной личности за основную предпосылку не только не привело насъ къ признанію ихъ несовмѣстимости,

¹⁾ „Счастливецъ“ въ „Мелочахъ жизни“.